1336

С. Бахрушин.

Енисейские киргизы в XVII веке.

ПАПКА ДЛЯ БУМАГ

1356
103 стр.

ДЕЛО № 1856

С. БАХРУШИН

ЕНИСЕЙСКИЕ КИРГИЗЫ В XVII ВЕКЕ.

Енисейские кыргызы в XVII в.

В истории енисейских кыргызов есть очень много темного и неясного. Далеко еще не ~~выяснено~~ разрешен конкретно вопрос, как относятся хакацзе и киликидзе китайских источников к тем племенам, которые обитали на верхнем Енисее в XVII веке. Неясны и взаимоотношения между собственно кыргызами и родственными им племенами в изучаемую эпоху. Данная работа не претендует на то, чтобы разрешить в какой-либо мере все эти сложные вопросы. Ее цель конкретно ~~показать~~ представить быт и историю енисейских кыргызов. Можно быть, наблюдения над этим бытом помогут и в понимании явлений более раннего времени и в ~~прав~~ более правильном освещении истории предков енисейских кыргызов.

В основу настоящей работы положены, кроме печатных материалов, архивные данные, извлеченные, главным образом, из фонда Сибирского приказа, хранящегося в ЦГАДА.[1] ~~[illegible]~~

С. Бахрушин.

Институт языка, литературы и истории
Инв. № 1336
103 стр.
Кир. ФАН СССР гор. Фрунзе

[1] При ссылках на архивные материалы ~~происхожд~~ принадлежность их к фондам ЦГАДА не оговаривается. Точно также не оговаривается принадлежность книг и столбцов к Сибирскому приказу, в тех случаях, когда материалы взяты из других фондов ЦГАДА фонды эти указываются.

I

(2)

16.

Киргизская Земля[1]

Под Киргизской землей источники XVII в. подразумевают конгломерат различных „родов" и „землиц", среди которых собственно „кыргызы" составляли лишь один „род": „а киргизы-де и тубинцы люди небольшие только многими землицами завладели и многое дурно чинят."[1] Определить точно, что подразумевают русские документы под названием „род" и „землица" невозможно: под этим словом ~~подразумевается~~ фигурирует и целое племя, и род в узком смысле слова, и семья. К этому надо присовокупить и то, что сведения о родах, входивших в состав Киргизской земли в русских источниках крайне неполны, так как сами киргизы фактически никогда обрисованы не были, а те их „киштымы", т.е. подвластных им „родов", которые ~~были признаны власть~~ считались ясачными, платили ясак крайне неаккуратно; поэтому в ясачных книгах ~~Красноярского~~ острога сведения обо всех этих племенах гораздо менее точны, ~~что~~ чем в отношении некоторых других народов Сибири, как якуты, остяки, татары. Осторожнее всего сказать, что мы присутствуем при образовании одной народности, в состав которой входят близкие и по языку и по культуре племена и более мелкие родовые единицы. Это племенное объединение возглавлялось кыргызами и ~~поэтому~~ носит в источниках название Киргизской земли.

1) Кроме указанных в ссылках источников, автор в этой главе пользовался ясачными книгами красноярскими (Сиб. приказ. кн. N N 127, 436, 566, 590, 717, 811, 902, 1057 и друг.)

2) Сиб. Приказ, ст. N 30, л. 552.

В дальнейшем, как ~~указано~~ сказано, принадлежность книг и столбцов к Сибирскому Приказа (дела которой

собдевско

В XVII веке "киргизские люди" жили на водоразделе между Обью и верховьями Енисея. Территория, занятая ими начиналась приблизительно от Урюпа, притока Чулыма, охватывала район озер Белого и Божьего, обоих Июсов /Черного и Белого/ и Сережи и тянулась до Енисея, обнимая бассейны левых его притоков Ербы и Абакана, с впадающими в него реками Уйбатом, Нином и Аскызом. На правом берегу Енисея на Упсе или Тубе жили " киргизы же, имя им тубинцы", образовавшие особое племя, к XVII в. сильно отуреченное и в бытовом отношении мало отличавшееся от прочих киргизов. Грубо говоря, северо - западной границей распространения киргизского племени были Июсы, а центр их поселений лежал в абаканских степях. Когда Кобыльский вторгся в их землю, они встретили его, "перешед р. Б. Июс (Белый) в горах, не допустя до своих улусов до Абакана реки за 3 дня." К северо - востоку Тубинская земля граничила с Канской землицей, на которую тубинские князцы и распространили свою власть.[1]

Внутри этой обширной территории, район кочевок киргизов подвергался значительным изменениям. Границы их расселения часто колебались под влиянием внешних осложнений. Под уда-

---

[1] Ст. № 715 - 716, л. 9 - 10, № 712, л. 4, № 252, л. 163, 177 и др. Соб. Хилкова № № 84, 100; Доп. к А.И. УШ, № 72, X № 80 /XУ1/, Пам. Сиб. Ист. XУШ в. № № 10, 15, 29, 33, 61. ~~Ср. Н.Н. Козьмин Хакасы~~.

рами русских они неоднократно отходили на юго-восток: так в 1666 г. они,"как с государевыми людьми завоевались, для того вдаль от Июсов отошли"; одно время они даже "измыслились подлинно, что им, развоевав Красноярской и Енисейской отъехать в колмаки со всеми своими улусы". Наоборот, от "утеснения алтыновых людей" они откочевывали на запад на Чулым, в Кизыльскую землю на р.Еник, или же на север под Красный Яр, куда в 1666 г. под угрозой Лауцзана укрылись киргизский и тубинские князцы со своими людьми, всего 139 чел. 1/

Собственно киргизы делились на три аймака: "верхних киргизов" или алтырцев, "нижних" - алтысаров и езерцев или исаров /по толкованию Н.Н.Козьмина "средних"/. Точно определить место кочевий каждой из этих групп затруднительно, так как они постоянно смешивались во время перекочевок. Н.Н.Козьмин, посвятивший вопросу специальное исследование 2/, помещает алтысаров на Июсах и Божьем озере, алтырцев на притоке Уйбата - Нине и езерцев между нижним течением Абакана и Батеневским хребтом, но это распределение более чем условное, так как неоднократно упоминается о совместном кочевании киргизов в одном районе. Рядом с киргизами постоянно фигурирует родственное им племя керетцов /в копиях Миллера - керельцы/, обитавшие между устьями Кпсы и Ои. 3/ 2)

1/ Ст.№ 886, л.72, № 380, л.69, № 513 л.86.
2/ Н.Н.Козьмин, Хакасы, Ирк.1925 О местожительстве отдельных групп киргизов- см.Пам.Сиб.истории ХУШ т.1,№№ 33 и 37. Ст.№ 623, Н.Н.Козьмин считает "керетцев" или "керельцев", как он их называет, за название езерских киргизов, но мне кажется, что для этого нет достаточно ~~данных~~ основания.

„В прежних годах" перед приходом русских киргизам платили ясак качинские и аринские татары, кочевавшие в районе позднейшего Красноярска

Под властью киргизов находилась и Буклинская земля. В 1627 году они говорили про нее : "А буклинцы - де природные холопи, киштыми наши, князца Идженея Икзарина".[1]

Общая численность собственно киргизов не была велика. В 1627 году князец Ишей неохотно отвечая на вопросы сына боярского Дм. Черкасова, говорил " всего де киргизов прямых людей 100 чел. и нам того писать некого".[2] В 1660 - х годах русские считали в Киргизской земле алтырцев и езерцев три улуса, а в них князцов и улусных людей 101 человек. Обе цифры преуменьшены. На сейм 1627 года киргизов собралось, не считая тубинцев и других, 300 человек.[3]

Тубинцы занимали степные пространства на притоке Абакана - Тубе или Упсе. Ремезов отмечает тубинцев, " их угодья и степь", между реками Тубой, Ояогой и Кембомом. Южную естественную границу их кочевий составляли Саянские горы. "А буде тубинские люди, уведав на себя служилых людей приходы, с своей земли откочуют по Саянский камень, а от Тубинской до Саянского камня ходу два дни, а дале того тубинским людям откочевать некуда, разве через Енисею в киргизы" сообщали в Москву из Красноярска. Теснимые монгольскими алтын - ханами, тубинцы неоднократно откочевывали значительно на север, как это имело место в 1664 г. во время нашествия Лаусзана - ~~хана~~. Так образовались тубинские колониии в окрестностях Красноярска и в Качинской земле, где кочевал улус Бурчана Коянова в количестве 15 - 19 чел. взрослых мужчин.

1. Ст. № 513, л 186

Небольшие группы тубинцев временно оседали на берегах Кана, куда их заносили постоянные набеги и поездки для сбора ясака.

По данным 1660 -х годов в Тубинской земле было 17 улусов, в которых числилось 227 чел. боеспособных (ясачных) мужчин. Из отдельных улусов упоминаются Бабаев, Карин, Бугаев, Шишелеков, Тандараков, Барсандаев, Ексеев и др. Численность тубинцев сильно увеличивалась наличием большого числа киштымов. Под непосредственной властью тубинцев находились окрестные племена на верхнем Енисее и Абакане - "верховые землицы": моторцы, уштерцы, алахамы, бойкотовцы, яринцы, бохтинцы, бугулы, хойтоны и другие. 2)

Земля яринцев /которых не следует смешивать с аринцами, по Ремезову, была расположена между верховьями рек М.Дербины и Сисима; в соседстве с ними жили тимцы, образовавшие в XVII в. ясачную Тинскую волость / в среднем 10 - 15 человек/, бугульцы, алытцы, сыдынцы, хайтоны 3) / в 1657 - 8 гг. ясачных хайтонов улус насчитывал 23 человека / и лежала Бохтинская земля, ясачное население которой достигало 20 - 30 человек взрослых мужчин.

---

1) Ст. № 712, л. 83.

2) Киштымами, т.е. рабами, назывались племена, подчиненные енисейским киргизам, платившие им ясак.

Ст. № 513, л. 205. Перечисление племен см. также кн. №717, л. 531 доп. к А.И. т.XI, № 53 /П/.

3) Н.Н. Крадин (назв. соч., стр. 41) отождествляет хойтонов с кайбальскими племенем кадынцев, не приводя к тому никаких соображений.

Для конца столетия довольно точные сведения дают реляции о поражении Тубинцев в 1694 г., когда быль перебито около 574 мужчин и жен и детей. Взято в плен более 600 человек, это было почти полные истребл. племени.[1]

Возможно, что подгородные бохтинцы составляли первоначально одно целое с яринскими и отбились от них в результате частых на Енисее ~~миграций и~~ военных столкновений.[1]

В теснейшей связи с тубинцами находились жившие "на тубинских вершинах" каменные /горные/ моторы (мадыр) и родственные им койбалы и байкотовцы. ~~Моторы "стоят на тубинских вершинах"~~; В 1690 г. упоминается два улуса каменных моторов с населением в 44 взрослых мужчины. Койбалов, тоже живших на верховьях Упсы русские считали за улус моторов; в конце ХУП в. койбальский улус, плативший ясак, насчитывал 24 ясачных людей.[2]

Влево от Кембома Ремезов показывает - "бакотонцев"; это

---

1 Ясачная Яринская земля в ХУП в. составлена была из конгломерата различных племен .Пам.Сиб.Ист. ХУШ в. П, № 67, Ст. № 1052, л. 686 /Хайтоны, Сургулаков улус /.

2 Кн. №6, л.л. 79, 80, ст. №40, л.л. 61, 182. Ст. № 1052, лл. 357 - 358, 686; № 712, л. 4, 5, 8. Док. к А. Ист., т. XI, №53(II) Пам.Сиб. Ист. ХУШ в. П, № 67, Н.Н.Козьмин, Хакасы, стр. 31. С моторами часто со времени Миллера отождествляли матов, но царские грамоты ~~я думаю, что это неверно~~ определенно отличают матов или матских людей от моторцев. Под ~~самим~~ Красноярском упоминается еще в 1700 году "Матская степь" ~~это дает повод думать, что моторцы кочевали близ Красного Яра~~ первоначально. Н.Н. Козьмин различает просто моторцев и каменных моторцев. У меня слишком мало данных об этом народе, чтобы принимать или оспаривать это мнение.

(Байгода)

вероятно Байкотовский улус, т.е. племя байкотовцев, неоднократно упоминаемое в документах, насчитывавшее свыше 40 боеспособных мужчин.[1]

Из других тубинских кыштымов упоминаются уштерцы, обитавшие, по Ремезову, в верховьях Кембома; алахамы / в 1694 г. ясачные книги насчитывали их 30 человек / - между р.р. Кавсарой и Оком.[2] У Ремезова, кроме того, на устье Абакана в соседстве с Тубой показаны "карнасы не мирные" и "обдутцы". На границе Томского и Кузнецкого уездов обитали киргизские кыштымы сагайцы.[3] Всякий раз, как русские служилые люди не заставали сагайцев "на их прежних житьях" то "от воров киргиз всяких чинов людям в Кузнецком и в их ... великого государя городах в Томском и Красноярском и Томского и Красноярского и Кузнецкого в уездах доброго ничего, опричь войны и разгрома не ждем"[4]. Встречаются упоминания и о других народцах, живших и кочевавших вместе с тубинцами.[4]

Словом вокруг Тубы сплетался целый клубок мелких племен и улусов, значение которых было ничтожно в отдельности, но которые в целом составляли внушительную силу. По данным, собранным в 1627 г. в Кузнецком остроге, у тубинцев и моторцев было до 400 боеспособных мужчин. Действительно на сейм 1625 г. тубинцы прибыли с буклинцами и моторцами в количестве именно 400 челов. По другим данным у них "в сборе с окольными

1) О них ясачные книги. В качестве киштымов Киргизского князца Ереняка упоминаются Доп. А. Ист. XI № 53 (II)

2) Ст. № 380, л. 23

3) Памятники истории Сибири XVIII в. I № 20

4)

4) Н.Н. Козьмин к числу Тубинских киштымов отнесен Койдальское племя ~~богочжи и~~ богочжи и иргитов или ырген (назв. соч., стр. 35, 44). По видимому это недоразумение: автор отождествляет Бугачеев улус в Тубинской земле, т.е. улус тубинского князца Бугачи Коянова с племенем богочжи, документальные данные это опровергают. Точно также есть повод полагать, что и улус Ургунов получил название от возглавлявшего его лучшего человека.

землицами 300 чел., опричь киргизских людей."[1]

Если же присоединить к этому числу собственно киргизов и их киштымов, с которыми тубинцы политически составляли одно целое, то общая численность населения так называемой Киргизской земли получится еще более значительной. В своих показаниях в Сибирском приказе в 1638-9 г. Яков Тухачевский удостоверял что "киргизских и моторских и тубинских князцов было с 50 человек, а владели де те князцы ясачными людьми по 40 человек и больши князец, итого за теми князцы 2000 чел. У киргизского князца Ченнея киштымов ясачных людей с 500 человек. А Абраева улуса князец Талай с товарици владеет государевыми ясачными людьми с 1000 чел. ... А всего де изменников киргизов и тубинцев и моторцев собирается с 900 чел. конных людей."[2] Последняя цифра совпадает с данными приведенными выше.

~~В общей массе собственно киргизы и тубинцы составляли сравнительно небольшую "служилую" группу военной аристократии : "а киргизы де и тубинцы люди небольшие, только многими землицами завладели и многое дурно чинят".~~

Кроме перечисленных племен, которые составляли с ними как бы одно целое, киргизы и тубинцы, путем упорных войн распространили свою власть далеко за пределы при - енисейских степей. Им нужна была пушнина, а ее они могли получить только путем об"ясаченья звероловов при - степной тайги. Тубинцы с успехом оспаривали у русских владычество над бассейном р. Кана в течении всего XVII века

---

1 Русск. Ист. Библ. УШ № 11 /XXX/, ст. № 886, л. 28; № 161, л. 56

2 Ст. № 886, лл. 244, 245, 246.

непосредственно связанным с бассейном Упсы /Тубы / и собирали ясак с канских татар и с камасинцев. Тубинские князцы в течение всего XУП в. "называют канских ясачных татар своими киштымами, что - де с тех пор канских татар исстари отих
цы и деды, тубинские князцы, соболи и всякой зверь имывали". На этом основании они ездят ежегодно в Канскую землю, человек по 50 и по 60 и отнимают у туземцев "сильно" соболей и бобров. Такие же права на канских киштымов пред"являют и киргизы. Тибетский лама Даин, служивший в 1635 г. посредником между ними и русскими, велел поэтому сказать в Томске, "что де ....государевы люди воюют ясачных людей /канских/, то де люди невольные, коли де воевать, ино бы дело воевать тех, которые за них стоят, киргизские люди".

Езерский князец Шорло - мергень , которые после Ереняка стоял во главе Киргизской земли, прямо заявлял : " посылаю в Красноярский уезд, в Камасинскую и Канскую землицы в ясачные волости своих улусных людей и ясак на себя велю сбирать, те де киштымы мои".

Необднократно, в борьбе с русскими за ясачных людей, киргизы и тубинцы, уводили канских туземцев "со всем кочевьем" в свою землю.[1]

Киргизы и тубинцы проникали еще дальше на северо - восток под Удинский острог и брали ясак с бурят. Однако здесь мы имеем дело лишь с отдельными набегами, между тем как Канская земля находилась в их постоянном владении.

---

1 Ст. № 446, л.283, след.; ст. № 623; № 49 л.322. Ст. № 1317, л. 14; Пам. Сиб. Ист. XУШ в., 1 № 36; Пам. Сиб. Ист. 1, № 26

На запад киргизы распространили свою власть на верховья Оби - Чулым, Кондому, Мрасу и Бию. До основания Томска, даже далекие еуштинцы "князь Тоян со всеми своими тоянцы" платили им дань, были их " лучшие холопы". И после того, как в Томске и Кузнецке создались русские военные центры, они продолжали ездить в Мелесские и Ачинские волости собирать ясак с Кондомских, Мрасских, камларских, шийских и др.татар, которые, „что де и добудут / в ясак/, и то де у них емлют киргизские князцы себе", как они жаловались ясачным сборщикам; князцы Кийской волости и их улусные люди - их "природные холопы киштымы". Сбор ясака с "порубежных горных волостей" производился киргизами до самого их отхода в Монголию.[1]

---

[1] Ст.№ 712,л. 47; № 715-716,л. 9 - 10; № 886_л.172,171; № 623 Кн. № 902,л.39,49 об.-50; Кн.№ 384,л.445.

Хозяйственный быт киргизов

12

Заброшенные на степные плоскогорья, среди ответвлений Алтайских гор, с юга отрезанные от других народов неприступными "Саянским камнем", а с северо - запада "черными лесами и ломами" черни ~~/ покрывающей /~~ предгорья Кузнецкого Алатау, пересеченной многочисленными "бродовыми речками" с их "нужными переходами", зимой почти непроходимой за снегом, киргизы сумели в течение долгого времени охранять свою независимость от внешних врагов, укрываясь "по горам и щелям", уходя в минуты опасности "в крепкие места", " в черные леса" и

и в "камень" и окапываясь там и осекаясь лесом.[1]

Эта отрезанность от общения с другими народами способствовала вместе с тем сохранению среди них очень примитивных форм быта.[2] В горной " киргизской степи",с ее обильными пастбищами, главным средством существования являлось скотоводство, не требовавшее особых усилий, потому что "на старых их кочевьях снеги мелкие, ~~а сен де на скот не готовят~~". Киргизская земля, по словам первых русских, проникших в нее, "кочевная, живут в избах полстяных ... лошадей и коров много и овец много, хлеба не имеют и не родится".[3]

---

1 Пм.Сиб.Ист. XVIII в., 1 № № 1,61, Доп. к А.Ист. X.№ 80 /XУ1/; Ст. № 515 - 716,л. 9,13, № 623.

3) Монгольские дела 1616, л. 44.

Техника скотоводства была очень невысока. Сенного хозяйства киргизы не знали: „сен-де на скот не готовят", потому что „к зиме сен ставить на лошади и на рогатый скот негде."[1])

Скот и лошади составляли главное богатство киргизов : кони служили средством обмена;[2] ими и рогатым скотом и овцами платили дань монголам /в 1664 г. Лауцзан взял у киргизов 300 коров и 1000 овец/. Следует, однако, заметить, что хороших коней у киргизов не было, как видно из того, что они охотно покупали их у русских, и это обстоятельство подтверждает низкое состояние у них техники скотоводства. Кони являлись поэтому одним из наиболее выгодных предметов русского ввоза в Киргизскую землю.[3]

Подсобным занятием являлись охота и рыбная ловля: киргизы "едят рыбу и зверя бьют". Неоднократно упоминается о выездах киргизов и тубинцев целыми улусами на "зверовье", "зверовать". В частности охотились посредством "поставных луков", которые луки ставят на зверей".[4] Не надо, однако преувеличивать значение охоты в киргизском хозяйстве. Местность, в которой они обитали, не была богата пушным зверем.

"Живем де мы на степе", говорил в Москве киргизский посланец Тантыкай, "и соболей на степе не живет". "Соболишка у киргизских татар в их земле", по отзыву русских, "плохие,

1 Ст. №380, л.89; Монг. дела 1616 г., л.44

2) Ст. № 1417: " в киргизской земле за тот панцырь давать 2 коня, да 2 кобылы".

3 В документах часто упоминаются у киргиз предметы, связанные со скотоводством, напр., арканы волосяные, узда, седло с потником /№ 1417, л.1/.

4 Ст. № 513, л.37:" в те поры дома не было, были на зверовье"; л.290: " как киргизские князцы и улусные люди изо всех улусов из зверовий с"едутся". 1, Мут. дела 1616, л.44 Сб. Хилкова, №99 "в киргизские урочища по рекам и на звериные промыслы".

против денежной цены по гривне и по 5 а."[1]. Если у киргизов и "лежат в лабазах и в каменьях упрятаны" шубы собольи, горностальи, бобровые, волчьи, рысьи и "макуйлиновые"[2], то это продукт труда их "киштымов", а неих самих. Сами они люди служилые, на лыжах ходить и зверя добывать не умеют"[3]. Когда говорится о выездах киргизов на "зверовье", то надо, поэтому, полагать, что дело идет об охоте на крупную дичь, мясо которой шло на пищу, а не на пушного зверя. Пушнину поставляли подчиненные им народы тайги, их киштымы.

Подсобный характер носила в киргизском хозяйстве и рыбная ловля. О распространенности этого занятия свидетельствует между прочим, то обстоятельство, что киргизы для определения времени пользовались наблюдениями, заимствованными из рыболовства, "а острогу, с Енисея реки на Июс реку конем ехать столь далеко, как на Енисее или Июсе уловят рыбу, и с реки де на реку едучи, та рыба не уснет в то время"[4].

Хлебопашество киргизам было совершенно неизвестно: "хлеба не сеют и не родится". Отсутствие хлеба возмещал отчасти корень сараны:" а у них - де на пашнях и сарану и коренья копают на каких пашнях". Хлеб доставали путем набегов на алтайские племена, занимавшиеся земледелием более культурных соседей; так они"грабят ячмень" у кондомских и мрасских татар.[5]

---

1 Ст.802,л. 80,83.

2 СТ.№ 802,л.80,183; № 886,л.74,75,43; № 380,л.8,№ 1417,л.1,2 и т.д.

3 Ст.№ 886,л.290.

4 Доп.к А.И. УП,№ 72,1У

5 Ст.№ 712,л.47

Примитивное скотоводческое хозяйство ~~кыргызов~~ не могло обеспечить удовлетворение всех насущных потребностей кыргызов. Недостающие пополнялось отчасти грабежем кыштымов; ~~мы видели~~, ~~то~~ этим способом приобреталась пушнина и отчасти зерновые продукты. Но основным средством была торговля с более культурными странами. ~~В Киргизскую землю для торговли приезжали русские люди. Красноярский воевода Алексей Башков~~ С основанием Красноярска установились торговые сношения с русскими. В октябре 1692 г. прибыли в Красноярск торговые люди Михаил Остафьев, прикащик ярославца Семена Лузина Иван Борисов, картополец Петр Федоров и тобольский жилец Андрей Заровня и сообщили „пришли-де они из Киргизской земли в Караульный острог и из Караульного острога в Красноярской с товары своими поплыли"[1]. В эти-же

---

[1] Сиб. № 1417, л. 27.

15

[об.]

годы посылал красноярский воевода Алексей Башковский в Киргизскую землю для торговли человека своего Якушку Аргамачка, а с ним послал для продажи 6 лошадей, 10 кож красных, 60 песцов; утверждали, что Аргамачка повез с собою ~~для торгу~~ даже запретные товары, порох и свинец.[1] ~~Жоз Ив Башковской пользовался посредничеством~~ ~~Брат~~ Другой воевода, брат предыдущего, Игнатий Башковский пользовался для своих торговых операций услугами двух грехами купцов - Мурсада и Ивана, которые живали в Киргизской земле ~~и~~ „за торговыми своими промыслами" продолжительное время.[1] Живали подолгу в Киргизской земле и бухарские купцы. В 1623 г., например, из Томска были отпущены „в Киргизы по их челобитью с товарищком" бухарцы Шангмин и Азенко, которые вернулись в Томск в следующем году.[2] Через Монголию завязывались торговые отношения с Китайским государством, откуда шли к киргизам преимущественно предметы роскоши (камки, барсовые шкуры).[3] ~~Сношения с Киргизом и Бухарой отразились~~ Развитию внешней торговли препятствовало отсутствие безопасности в Киргизской земле, ~~созданное~~ при ~~господстве~~ ~~боль~~ подобных межплеменных столкновениях и после непрерывной войны с русскими. Посланного Башковским Аргамачка и служилых людей, ехавших с товаром, ограбил и сын Еремяка Корчун и Аргамачка даже задержал. На торговых людей, ехавших в 1692 г. из Караульного острога на плотах напали по пути кыргызы, „стреляли по ним... многими стрелами... а не доехав до острогу, ~~(Красноярского)~~ отогнали у них киргизские люди 16 лошадей."[4]

1) Ст. N 1417, лл. 27, 425

2) ~~В~~ Миллер, Сибирская история, т. II, л. , прилож. N 222. ~~Ср. Пам.~~ О пребывании бухарцев (вероятно сибирских) см. в Киргизской земле см. также Пам. Сиб. Ист., т. I, N 2.

3) Ст. 886, л. 33; князь Кочембай посылал в Китайское государство, откуда ему привезли „камку желтую на золоте" и барса.

Одевались киргизы в шубы и зипуны; на головах носили малахаи. В начале я XVII в. бой у них был исключительно лучный, но позднее, под влиянием постоянных войн с более цивилизованными народами, появились у них не только прекрасной работы куяки, бумажники /доспехи/, шишаки, наручники булатные, сулемы /сабли/, но даже огнестрельное оружие, и в конце столетия они выезжают в бой "с ружьями, с пищалями, и с копьи и с саадаки, и с сабли, в панцырях, и в куяках, и в иных воинских доспехах", " пороху де и свинцу у них много - ж". Непрерывные войны способствовали развитию среди киргизов и тубинцев оружейного дела; русские дорого платили за киргизские куяки. Панцыри и куяки шли в торговле в качестве единиц обмена, как у древних греков.В сражении киргизы, как все степняки, брали всегда " первым напуском", стремясь неприятеля копьем смешивать"[1]. Но борьба с русскими научила их и более сложным ~~стратегическим~~ военным приемам. Они умели ходить на приступ "за щитами".Впрочем, сильно укрепленных пунктов им никогда взять не удавалось. хотя временами они и захватывали небольшие острожки, защищавшие русские деревни.Канским и Удинским острогами они завладевали только, пользуясь отсутствием в них достаточного числа ~~защитников~~ служилых людей. Потерпев поражение они осекались засеками в лесах и в горах, строили небольшие городки и оказывали отчаянное сопротивление. В В 1692 г.брат Тубинского князца Шандыка Ороштай с 50 челов.

---

[1] Монг.дела 1616,л.44; Ст. № 886,л. 43,78,224; № 808,л.80, 178 № 380,л.139,148.№ 712,л.22; № 53,л.364 и др.

осекшись лесом, в течение дня с успехом отбивался от всей русской армии под начальством Вас. Многогрешного и Тита Саломатова; служилые люди два раза ходили на приступ, но "воровской татарской осады не взяли", и только на следующий день, когда подошла подмога в лице атамана Мих. Злобина со служ. татарами "осада" была взята.[1]

Тяжелые войны, которые киргизам пришлось вести за право существования, с гораздо более могущественными соседями, способствовали развитию в них воинственности, и жестокости. Пленникам они носы и уши резали; убитых врагов: "груди вспарывали и глаза застилали".[2]

Кочевники, не имевшие постоянного местожительства, киргизы, на случай опасности, имели укрепленные убежища, где, выезжая против врагов, укрывали своих жен, детей и стада. Таков был остров недалеко от устья Абакана, куда во время русских нашествий "для крепости и опасения киргизские люди и иные разные роды, отсылали жен своих и детей и лошадей и скотину и всякие животы".[3]

На Июсе у них был даже свой каменный городок.

---

1 Ст. № 1317, д.611 - 616. № 513, л.46,47.

2 Пам.Сиб.Ист., т.1 № 6,13,21

3 Доп.к А.Ист. X, № 80 /XУ1/, Ст. № 881, л.165.

В религиозном быту киргизов сохранился первобытный шаманизм с его наивной магией, которая особенно наглядно проявлялась в обрядах, сопровождавших клятву. Мы застаем у них несколько видов шерти. В начале столетия существовал старинный /тюркский ?/ обряд, который мы находим и у якутов: "рассекали собаку и сквозь ее проходили". Далее, "убив собаку и выточа кровь и тое свежую собачью кровь пили"; так, в 1627 году киргизские князцы Ишей с товарищи, обещая русским хранить верность договору, говорили : " да о том мы ныне по своей басурманской вере и шертуем, собачью кровь пьем". Другой обряд напоминает остяцкую шерть, как она описана писателями XУШ в. :"а иные с ножа у них с клятвою хлеб ели" / по одному известию, они "мех сабель с ножа хлеб едят"/. Но постепенно господствующей формой шерти делается встречающаяся, как у монголов, так и у угро - финнов - питье с золота "обещався по своей вере, пили с золота", "пили вино и золото". Обряд этот заключался в том, что " они - де, по своей вере, шертью скребут золото или медь, да пьют". При заключении договора с Ереняком русские привезли с собою государево вино, горячее и он "учинил шерть, налив чашку вина и золото положа, выпил".

При об"явлении войны, как и у многих сибирских туземцев /напр. у приобских остяков/ рассылались стрелн.[2] В значении которое придавалось при клятве собачьей крови можно видеть пережитки свойственного тюркам культа собаки, как тотема. У тубинцев мы встречаем тоже признаки тотемизма. На устье Тубы имелся камень, на котором высечен (его изображение) барана и которому.

---

1 Ст. № 715-716, лл. 120, 121, 124, № 712, л.10; № 252,, 164; № 886, л.117, 178, 192. (№ 513, л. 117.) Монг.дела 1616, л.46. Сб.Хилкова № 100; Пам.Сиб.Ист. ХУШ в., т.1 № 37

2 Доп. к А.И. У, № 92.

поклонялись местные жители; упоминаются также грубые каменные изображения медведя и барана; каковые были, по отзыву русских, "языческими идолами".[1]

Вместо подписей тубинцы пользовались "знаменами", изображавшими чрезвычайно грубым рисунком предметы вооружения: копье, лук со стрелами, рогатину.[2]

Лишь постепенно киргизы стали переходить от первобытного строя кочевой жизни поддаваться воздействию более высоких соседних культур. В этом отношении особенно важно было то, что киргизы оказались на торговых путях, соединявших русские колонии в Сибири с рынками центральной Азии - Китаем и Бухарой. С другой стороны, положение буфера между монголами Монголией и русскими владениями, втягивавшее киргизов в очень сложные политические отношения с соседями, способствовало их вовлечению в сферу боровшихся на южной границе Сибири феодальных культур.

Особенно сильным должно было оказаться культурное воздействие монголов с их заимствованной из Китая ламаитской цивилизацией главным образом в те периоды, когда киргизы попадали под вассальную зависимость от алтын - ханов или джунгар. Под влиянием последних появилось у них, в частности, лучшее вооружение: к ним "калмыцкие пищали привозят из калмыков"[3]. Некоторое распространение получила и монгольская письменность. Дипломатическую переписку Ереняк ведет с русскими на монгольском языке и посылает в Красно-

---

1) Ст. №380, л.138, об.139, об.

2) Радлов, Сибирские древности, т.1, вып.1 Прилож. стр.11
Известия Красноярского подотдела В.С.О.Р.Г.О., т. II, в. 3-4, стр. 35.

3) Доп. к А.И. III № 108.

ярск листы "калмыцким письмом".

И среди простых киргиз встречается также не один, который "по мугальски писать умеят" . В числе подписей тубинских князцов имеются некоторые, напоминающие монгольское письмо. Среди киргизской знати попадаются монгольские имена /Лауцзан, Сенга и др./ Еще глубже отражалось монгольское влияние на понятиях политических : киргизские князцы охотно присваивали себе заимствованные у монголов титулы тайшей, мергеней и зайсанов. Через Монголию завязывались торговые сношения с Китайским государством, откуда шли преимущественно предметы роскоши / камки, барсовые шкуры / и с Бухарой, и эти сношения отразились, в частности, на киргизской одежде; у знатных людей появились "ферези камчатные холодные" и шубы под камкой.

Менее заметно влияние русских, проникавшее в"Киргизскую степь" через торговлю.Наряду с калмыками киргизам "ружье и

---

1 Ст. № 252,л.135, №1417,л.6; №380, обороте листов 380 след.

2 Напр.Ишеней-мергень, езерский Мергень - тайша, Шорло - мерген тайша езерский, Тарган - ейзан.

3 Ст. 886,л.33; князец Кочембай посылал в Китайское государство, откуда ему привезли "камку желтую на золоте" и барса. Ср.о камках № 802,л.256; № 886,л.74,75; Пам.Сиб.Ист. XVШ в.1,№2

порох и свинец из Томского города привозят всякие люди и меняют с ними на товары"; в частности, томские служилые люди им " пищали ... свои продавали, а за те свои пищали имали... зверем - собольми и бобрами и иною всякою мягкою рухлядью". От русских же киргизы получали панцыри и хороших боевых коней; у них же приобретались немецкие сукна.[1]

~~Бол~~ Очень большому воздействию русской культуры подвергались отдельные киргизы, попадавшие в плен к русским. К общее правило ~~они их обращ их крестили принудительно~~ их принудительно крестили, и они постепенно русели, ~~втягивались в~~ и приспособлялись к условиям русского хозяйства и к русскому быту. Многие из ~~них~~ новокрещенных ~~от~~ „ясырей" (рабов) оставались холопами у русских ~~служилых~~ людей, ~~но~~ но некоторые сохраняли свою свободу, садились на землю и переходили к земледелию, занимались торговлею и даже вступали в число служилых людей. Тем не менее связь с соплеменниками не могла порваться сразу. При киргизских набегах на русские владения, новокрещены - холопы нередко убегали обратно „в киргизы". В 1647 г. новокрещен Григорий Коштанов бежал из-за поруки к князю Ижинею и с тех пор чинил „всякие пакости": ~~и~~ подходил под Красноярск и отгонял лошадей.[2]

1 ~~[illegible]~~
Доп. к А.Ист. т.1У, № 108; ст. № 886, л. 176; №.802, л.183, 178

2) Ст. № 377, л. 125-129.

23

Любопытным примером "новокрещена" является сын боярский Ив. Архип. Айкан. Киргиз по происхождению, родич "государева изменника" князца Ереняка /"дяди-де его Иванова Мергеня внука за Ереняком"/, он ребенком был вывезен воеводою Архипом Акинфиевым, долгое время служил у него во дворе, "на Москве взрос" и русской грамоте выучен. После смерти Акинфиева он бил челом на Красный Яр в службу, сперва был в толмачах, затем "за службу" и за крещение" был переверстан в дети боярские. В нем причудливо сплетались и старые природные черты тузем - ца с вновь приобретенными в русской служилой обстановке новыми навыками. В киргизах у него были "род и племя" - "дядья и братья и племянники", порвать с которыми он не мог. Его подозревали постоянно в сношениях с врагами и в сочувствии им. Его считали главным виновником неудачи похода в погоню за Ереняком в 1666 г., когда, по словам участников, "быть-де было добру, да лиха измена". Айкан, по приговору войска, шел впереди сотни с служилыми татарами с "вожем". Его враги утверждали, что он намеренно водил ратных людей "по пустым местам", "взад и вперед по степям", а не по сакмам. Но его поддерживал атаман Род. Кольцов. Оба они, по словам служ.людей "отъехав от всего войск [illegible]одали с татары

и думу думают особно, а с нами, служилыми людьми не спрашиваются, а спрашиваются все с татары". Когда войско требовало вести преследование более энергично, они ~~что-де и~~ „то-де и речи говорили, нельзя-де нам на Ереняка итти, Ереняк-де силен", и своим поведением давали повод утверждать, что „делают недобро, норовят Ереняку". Во время похода было захвачено одно кочевье и взято в плен несколько киргизов; Айкан одного из них взял к себе в стан на потуки и развязал и стал с ним обниматься и плакать.[1]

И в домашнем быту Айкан оставался киргизом, был женат на иноземке, под Красноярском „завел он, Ивашко, юрты кочевные и ясыри его кочуют с лошадьми и с скотом с татары ~~(качинскими)~~ вместе." С подгородными качинскими татарами он вообще поддерживал тесные отношения и нередко „мутил" ими. Но вместе с тем ловкий и сметливый киргиз, хорошо усвоивший все стороны русского хозяйства, принимал деятельное участие в торговле. Енисейские мясники и торговые люди, приезжавшие на Красный Яр, ему „друзья и хлебояжцы, пьют у него и едят, ясырь и скот покупают, и деньги-де он, Иван, им взаймы дает, и товары-де у него, Ивана, те люди беспошлинно кладут (на хранение, вместо того чтобы класть на государевом гостином дворе)." Своею землею Айкан владел на основании трех купчих; хозяйство вел при посредстве трех крещеных рабов.[1] Айкан настолько обрусел, что, обвиненный в 1666 г. в измене, он не без искусства сумел защитить удачным контр-обвинением воеводы Герасима Никитина и добился следствия на ним, во время которого проявились не только его незаурядные юридические способности, но и значительная авторитетность и влиятельность его среди служилых людей Красноярска.[2]

1) См. книгу № 1504.

2) Ст. № 802.

Сын боярский Федор Айканов в сто

Сын Ивана Айкана [illegible] Айканов в столкновении с воеводой Гри[illegible]овым выступает уже представителем всего города и встречает горячую и энергичную поддержку со стороны всех красноярцев и, в первую очередь, его братьев - служ. людей всякого чина. Он совершенно обрусел и врос в гущу служ. элемента Красноярска. Память о новокрещене Айкане долгое время сохраняли названия - Айканова деревня, Айканова речка и Айкановы [illegible] около Красноярска.

Гри. Шишкиным уже выступает уже предс

Общественный строй киргизов

Общественный строй киргизов в XVII в. ~~представлял~~ ~~собою~~ сохранял много черт родоплеменного быта. Собственно киргизы делились на три аймака: в 1697 г. ~~кн~~ прибыл в Каштацкий острог киргизский князец Итпола послом „с трех аймаков."[1] Это были аймаки Алтысарский, Алтырский и Езерский или Ысарский (Исарский). Во главе каждого из них стояли представители одного княжеского рода. В 1616 г. было всех киргизских князцов самих человек с 300."[2] Каждый князь внутри аймака имел собственный улус. Такой

улус князца Итполы Медечина, упоминаемый в XVII и начале XVIII века, насчитывавший 250 войнов. Но и эти большие улусы, со своей стороны разбивались на более мелкие роды, носящие в русских источниках тоже название улусов. Эти мелкие улусы - "юрт по пяти и больше и по десяти" насчитывали различное число членов. Есть были улусы, ~~в несколько человек~~, в состав которых ~~каждого~~ входило всего 3 боеспособных мужчины и улусы в несколько десятков ходящих на охоту людей. Шандин род Сечекенин один из самых могущественных алтысарских улусов, насчитывал - 22 чел.. Собственный род /в узком смысле слова/ названного выше Итполы Медечина - 25 чел. Улус, как большой, так и малый возглавлялся старшим в роде, по имени которого он обычно и обозначается в русских документах, например - Шандик род Сечикенев, Итполин род

1) Портф. Миллера 478, III, № 52.

Медичин у алтысарцев, Арыптаев род Тюленев у езерцев и т.д. Принцип старшинства вообще очень почитался среди киргизов. В 1648 году они отказались, например, шертовать вновь на том основании, что "шертовали - де тебе великому князю ... братья их и дядья, которые их постарее за себя и за них". Главенство в улусе переходило от отца к сыну.

Такой же порядок мы наблюдаем и в Тубинской земле, в составе которой мы находим большие улусы; / в 1627 г. - Иликовы дети с их улусные люди, вступали в числе 150 чел./ и малые, как, например, Бабаев род, состоявший из 32 ~~человек~~ чел. Бочков, Карин род - из 26 ~~человек~~, Бугачеев - из 12 чел. и так дал.

В каждом из княжеств один князец главенствовал над княжеской семьей. Главенство это передавалось от отца к сыну. Так, в Алтысарском княжестве Ишею Сынгизову наследует его сын Ереняк; (после него) его сыновья, Шапчко и после смерти его Корчунко. Впрочем, рядом с Ереняком, хотя и со второстепенным значением, стоит его двоюродный брат Ебалак, глава самостоятельного улуса. В Тубинской земле "лучшим князцом был Коян, которому наследовали его сыновья Бугачи и Бурчан. Эти тубинские лучшие князцы и "владели всею Тубинскою землею."[1]

---

1 Ст. № 291, л.104. Доп. к Д.И., т. VIII №15 (XVII)

Сведения об общественном быте киргизов, поскольку они никогда не были покорены русскими, попадают в русских источниках только случайно. Тем не менее, они ~~позволяют, мне кажется говорить о~~ показывают, что о том, что в нем продолжают быть очень сильны черты патриархально - родового строя. Это наблюдение подтверждается приводимыми ниже сведениями из которых видно, что покоренные народы рассматривались как бы в обще - родовом владении всех князцев, которые либо эксплоатировали их сообща, либо получали каждый свою долю из ясака.[1]

27

Однако родоплеменной строй находился уже в стадии разложения. ~~В руках князцы постоянно~~ Власть князцов приобретала некоторые черты ~~политической~~ феодальной власти. При них

~~При князьях~~, в качестве исполнителей их поручений, состояли особые ясаулы. В 1701 г. езерский князец Шорло мергень поручает есаулам давать корм русским посланникам. Кроме того, у езерского князца упоминается судья.[2]

В своих руках ~~Власть~~ киргизских князцов сосредоточивали суд. Власть их над "черными" людьми ~~была не-~~ ограниченная и пользовались они ею с большой жестокостью. Чрезвычайно жестоко были наказания применявшиеся ими за преступления. За попытку к побегу Ереняк приказывал "распинать до смерти", его сын Корчун за участие в убийстве велел одному из своих улусных людей обрезать нос и уши, другому переломить ногу, третьего быть плетьми.[3]

[2] Ст. № 715 - 716, л. 24, № 1052, л. 102.

[3] Ст. № 1317, лл. 21 - 22, 362.

V По мере того как усиливалась власть князя они (присваивали себе пышные титулы монгольских феодалов.

У киргизов существовало патриархальное ра[illegible]
В переговорах с русскими постоянно фигурировало требование о выдаче беглых холопов.[1] Но ~~существовали~~ были, повидимому, и другие формы зависимости; по крайней мере, в одном случае упоминается „работник" „антысарского" князя Некея.[2]

Неясны взаимоотношения между „улусными людьми", составлявшими основную массу племени и князцами.[3] Русские источники определенно противопоставляют „Киргизской земли князькам — „черных людей", „черного человека дети, а не Ишеевы дети", сказано в одном отписке из Томска.[5] ~~При [illegible]~~ После победы, одержанной над киргизами томскими служилыми людьми в 1624, „которые-де старые мужики, а ясак с них можно взять, и они (их)..., приведши к шерти, отпускали з женами и з детьми и нам ясак с них попали, а которые киргизы были служилые люди, и они у тех служилых людей имали в полон жен и детей."[5] Следовательно среди киргизов уже довольно резко ~~[illegible]~~ проходила черта между „служилыми людьми", т.е., вероятно, ~~[illegible]~~ членами княжеского рода, с которых, даже по представлению русских властей, не полагалось брать ясак, и „мужиками", которые подлежали ясачному обложению.

Если на основании известных нам источников совершенно невозможно выяснить характер зависимости „черных" улусных людей от князцов, то мы имеем довольно полные данные об эксплоатации князцами „киштымов", т.е. людей, принадлежавших к покоренным киргизским племенам.

1) Ст. № 712, л. 6. 2) Доп. к А.И. VII № 72 (II)
3) Ст. 573, лл. ~~27~~ 27, 30, 72; № 623 („киргизские князцы и улусные люди")
4) Мунгальск. дела 1620. 5) Кн. № 6, л. 75 об. 5) Там же, лл. 74-74 об.

Киштымы киргизов

Примитивное скотоводство и степная охота не могла удовлетворить всех хозяйственных потребностей киргизов и этим обстоятельством об"ясняется их стремление подчинить себе народы соседней лесостепи.

Скотоводы - степняки, киргизы в хозяйственном отношении резко отличались от этих последних, промышлявших, наряду с скотоводством, преимущественно охотой, рыбной ловлей и отчасти земледелием. Это различие в хозяйственном быту киргизов и покоренных ими киштымов неоднократно отмечалось и ими самими и русскими.

В 1627 году киргизские князцы заявили сыну боярскому Дм. Черкасскому, убеждавшему их платить ясак по 10 соболей с человека, " всего де киргизов, прямых людей, 100 человек... и по 10 соболей с человека дать нам не с чего, тем де государь наш и досталь от своей великой государевой руки отгоняет; ко-

торые природные холопи киштыми наши были, и те наши киштыми за ним государем, и ясак со всех нас их собирает в Томской город, а с иных в Кузнецкой острог и в Мелесской ... И нам самим государю по 10 соболей давать не с чего, и сбирать нам не с кого, живем в степи, а по лесу на лешнях не зверуем, и соболей не добываем, и больше 100 соболей ныне да и впредь ясаку с нас не будет, в том его государева воля".

Во всех переговорах об ясаке киргизы поэтому упорно повторяли, что ясак платят не они сами, а их киштымы, "для того, что они - де люди служилые... зверя добывать не умеют.
Итак киргизы, живя в степи, не умеют промышлять зверя, они люди военные, живут на конях; соболей добывают их киштымы, кочующие в пограничной лесной полосе.[1]

Средством получить с них пушнину был ясак, который наложили на них завоеватели. В целях эксплоатации, киргизы разделяли между собой ясачных людей, — порядок, несколько напоминающий дележ покоренного народа, между членами дома Чингиз - хана.
У каждого князца, кроме своих родичей, имелось некоторое количество "черных людей, ясачных мужиков, а по киргянски киштымов", которые у них "вместо русских крестьян". По словам имевшего с киргизами дело Тухачевского, у каждого было ясачных людей человек по 40; были князцы, у которых их было не-

---

1 Ст. № 886, л.172, 290, 288.

сколько сот, с которых они брали ясак по 10 соболей с человека[1]) В положение таких „черных людей", обязанных платить киргизским князцам ясак, попадали, повидимому, не их соплеменники, а покоренные ими киштымы. Некоторые племена киштымов находились, если можно так выразиться, в общем владении всего княжеского рода. По договору, заключенному с Ив. Кобыльским, установлено было с киргизских киштымов имать ясак трем из киргизских князцев — Ишею Сигзинову, Кочебаю Батараеву и Сенге Кашкину „по 15 соболей с человека на год или вместо соболей по 3 бобра", но впоследствии княжеские роды размножились и „с тех киштымов емлют киргизских князцей дети и внучата, которые после того времени ~~народились~~ народилися, на себя сильно сверх того, что было имать с тех киштымов отцам их и дедам трем князцам, а у тех киштымов, за платежем государева ясаку и что заплатят по договору трем старым князцам, никакого зверя не останется, а молодые-де князцы, приезжая к ним, емлют у них на себя, вместо соболей, бобры и кони добры и платье и котлы и жен и детей у них увозят."[2]

В 1647 г. ясачные люди Ачинской волости жаловались, что „им на своих кочевьях от их, киргизских людей насильства жить невозможно, что прежде сего они, киргизские князцы, имали с них... ясак на трех князцей, а ныне-де они, киргизские люди, емлют со всякого ясачного татарина на себя ясаку по 8 бобров, кроме соболей, да княгиня-де Абакай емлет по бобру с человека, Табун по бобру-же, Белтен по бобру, Сабу Тансыкаев сын по 2 бобра, что отец его умер на Москве, Ишеев сын Аикан (брат Ереняка по бобру, Отоураз по бобру, Юга по бобру, Юмукай по 2 соболя, Абжи (племянник Ереняка) по соболю, Изергеевы дети по соболю-же."[3])

Еще в 1686 г. сын Тубинского князца Ко-

Бурчан собирал ясак со своих канских кишетьмов,
[illegible] „а он-де, Бурчан, был в Тудинской земле
князец и прежние его Бурчановы кишетьмы...
живут в Канском, и ясак-де он великим государям платит по все годы сполна, а тот-де
ясак собираю он с тех своих канских

1) Ст. № 886, л. 73, 244-245.
2) Ст. № 802, л. 189; ст. № 623.
3) Ст. № 252, л. 173-174.

прежних киштымов и дают де они ему киштымы за его прежнюю породу, чем бы ему платить ясак в казну вел. государей"[1]. Кроме сбора пушнины, киргизы отбирали у тех из своих киштымов, которые занимались земледелием продукты сельского хозяйства. Так они грабили запасы зерна у ясашных людей на Мрасе и на Кондоме

Сбор ясака сопровождался большими жестокостями. Киргизские князцы "правят ясак с киштымов, привязав к дереву и стреляют по них из луков."[2] В 1689 г. Таин - Ирки, собирая ясак с шоров, "бьет и мучает и нагих в снег загребает и в студеные юрты сажает."[3] Тубинцы, приезжавшие с князцом Шандыком собирать ясак с канских татар, одного мучали, другому рассекали голову, третьего ранили копьем, у четвертого переломали ногу, одну девушку убили.[4] Жестокость эксплоатации со стороны киргизских князцов не могла не вызвать сильной борьбы со стороны черных людей.

Отсюда та готовность, с которой киргизские киштымы соглашались подчиняться русским, чтобы избавиться от своих князцов. Уже в 1616 году послы, ездившие к алтын - хану, привезли из киргизской земли известие, что "те - де черные люди рады ныне, чтоб с них имал ясак один государь, а не князья, и они де быть под государевой рукой готовы." В 1662 году сами киштымы били челом "чтоб государь пожаловал, велел тех киргизских князцов смирить, и ясачным бы киштымам с них разоренными не быть." С другой стороны, в 1648 году тубинский князь Шанда обращается к еверскому князю Шурло - мергеню с жалобой на киштымов своих - в "неповиновении".

---

1 Ст.№ 980, л. 479.

2 Ст. № 802, л.190; Ст. № 623, № 1050, л.701, 224.

3. Портф. Миллера № 478 III № 57, 52

Кроме уплаты ясака, кыштымы были обязаны оказывать военную помощь киргизам. В 1698 г. шуйские князцы Кагадай и Мышьян, участвовавшие в набеге на Томский уезд, говорили, оправдываясь перед русскими властями, "ездили они, шусты, в русские деревни в неволю; потому что набежал на них вор киргизский князец Чагунко Ереняков с своими людьми ночью, и его Мышьяна с товарыщи поимал и руки перевязал и с собою водили неволею, и в том-де воля великого государя, а наше дело невольное". Мышьян утверждал даже, что "угрожали-де ему смртью убойством и держали у него на шее саблю". Точно также и Елдурак свое участье в набегах об"яснял тем, что "наехали-де на него киргизские и взяли с собою сильно". Было ли участие кыштымов в войсках киргизских князцов добровольным или невольным, но оно постоянно и совершенно отчетливо констатируется во всех без исключения русских реляциях о войнах с киргизами

новении". Этой борьбой, шедшей между киргизской аристократией и ее киштымами, искусно воспользовались русские, чтобы прибрать к рукам последних.[1]

~~При постепенном~~ В процессе постепенного сближения отдельных племенных групп верхнего Енисея в единую народность под главенством киргизов, шло таким образом классовое расслоение. ~~Киргизский кня-~~ ~~жеский род вы~~ и вместе с тем ~~разв~~ зарождались предпосылки феодальных отношений. Киргизский княжеский род выделяется из общей массы "черных" улусных людей, образуя группу "служилых" киргизов, которые ~~присваивают себе эксплоатацию~~ ~~киштымов~~ господствуют над своими соплеменниками и присваивают себе право эксплоатировать покоренных киштымов.

1. Ст. № 802, л. 188, след.; ст. № 623; Монг. дела 1616 г., л. 46

Политический строй и международные отношения Киргизской земли.

33 (5)

При господстве патриархально-родовых пережитков в быту енисейских киргизов еще невозможно говорить даже о зачатках государственного у них устройства. Однако ~~сложные~~ соседство ~~политические~~ ~~взаимоотношения~~ с ~~государ~~ могущественными соседними феодальными государствами ~~способствовали установлению~~ втягивало их в очень сложные политические отношения и способствовало укреплению связей между отдельными племенами, входившими в состав Киргизской земли.

Несмотря на то, что Киргизская земля была разбита на несколько самостоятельных ~~княжеств~~ аймаков, она политическим составляла одно целое. Если употреблять ~~современные~~ позднейшие выражения - это была федерация небольших племенных княжеств. Такой характер федерации выступает, например, при заключении мира с русскими в 1678 г. ~~на р.Таузаке~~, когда шертовали "с роду по 2 человека".[1]

Из всех многочисленных князцов один являлся общепризнанным главой всей Киргизской земли. В первой половине ХУП в. "лучшим киргизским князцом" был старик Кочебай, "который у них в Киргизской земле ... старее всех и почитают его."[2] / 1648 год /. При заключении мира в 1627 году князцы "шерть шертовали", с"ехавшись к нему. В качестве посла, он говорит в Томске "ото всей Киргизской земли".[2] Позднее, во главе всех киргизов и тубинцев стоит знаменитый алтысарский князец Иренак /Ереняк / Ишеев; в конце столетия - возглавляет киргизскую землю езерский князец Шорло - мергень, который в переговорах 1701 года "вместо всех киргизов ... в ответе был ".[3]

---

1 Ст. № 712, л. 4. Ср. ст. № 715 - 716. л. 123 - 124. /допо-

---

1 Ст. № 712, л. 4. Ср. ст. № 715 - 716, л. 123 - 124. /договор 1683 г./

2 Ст. № 525, л163 ; № 886, л. 192, 290.

3 Пам. Сиб. Ист. 1, № 57.

Единство Киргизской земли по вопросам внешней политики осуществлялось на обще - киргизском сейме /"совет" или с"езд/. В 1627 году, когда в Киргизскую землю прибыл для переговоров сын боярский Дм.Черкасов, то князец Ишей с товарищи, учинив ему "встречу", договор отложил до тех мест, как киргизские князцы и улусные люди изо всех своих улусов с зверовой с"едутся". "Большой с"езд " состоялся , как киргизские князцы и все киргизские люди с"ехались" "на урочище на реке на Белой подле из киргизского каменного городка у Июса".[1] За год перед тем, сын боярский Петр Сабанский, прибыв в Киргизскую землю для заключения договора первым делом говорил князцам Ишею и Кочебаю, чтоб "разослали к киргизским князцам и ко всем улусным людям и к тубинцам и к моторцам и к буклинцам, чтоб они с"ехались к Ишею и к Кочебаю все".[2] В 1652 году, когда алтын - хан Эрдени об"явил, что передает власть своему сыну Лауцзану, то киргизы, тубинцы и другие иноземцы "советовали между собой", прежде чем выразить готовность признать нового государя. Когда затем алтын - хан потребовал, чтоб они содействовали ему в сборе ясака с принадлежавших русским волостей, то "киргизы, тубинцы, алатырцы и кереты" о том,"собрався, думали и намыслились их во все государевы уезды вести", но, затем, под влиянием русских ясачных людей, отказали монголам в помощи "коли -де

---

1 № 886, л. 165 - 166, 189, ср.л.279.

2 Ст. № 886, л.27.

35

они хотят итти в государевы волости для ясачного сбору, и они де пойдут сами, а они, киргизы, им не вожи".[1] В 1669г. " у киргиз меж собой был совет, что им быть под Томской войной в сенокос или жатвенную пору".[2] В 1701 г. езерский князец Шорло, возглавлявший послесмерти Ереняка Киргизскую землю, прежде чем заключить договор с русскими "за всех киргиз", "с киргизскими князцами о посольском договоре советовали".[2]

На "совет" с"езжались все киргизы поголовно. На сейме 1627 г. присутствовало 700 челов. киргиз, тубинцев, моторцев и буклинцев.[3] Но фактически решали вопрос князцы и лучшие улусные люди. В 1701 г. для обсуждения условий мирного договора с русскими в юрте представителя джунгарского хунь - тайжи Абы - зайсана собрались "все киргизские князцы, кроме Корчуна /сына Ереняка/, "а Корчун не был за болезью, а именами были порозь алтырской тайша Батур, езерский Мергень - Шорло, тайша алтасырской Агалак, Кашка, Голега, Кубащи со многими своими знатными люди". Из дальнейшего видно, что в "совете" участвовал еще тубинский князец Курага. "И они, киргизские князцы, все шертовали со своими улусными людьми, кроме Корчуна, а Корчун не был за болезью, а Корчуновы улусные люди шартовали все". Итак, обсуждают вопрос, "знатные люди", но шертуют все "улусные люди", даже того улуса, князец которого отсутствует.[4]

---

1 Д.к А.И. Ш № 108.

2 Пам.Сиб.Ист. ХУШ в.,1,№ 2

3 Ст. № 886,л.28

4 Пам.Сиб.Ист. ХУШ в. № 57

Иногда сейм уполномочивает отдельных своих членов быть представителями всей Киргизской земли. Так, при заключении мирного договора с Кобыльским " шертовали де за всех киргизских людей по выбору их, киргиз ... Начикайка Сазымов да князец Баумай Карин".[1]

Киргизы оказавшись в XУП веке между двумя наступавшими друг на друга силами : русскими, продвигавшимися на юг из Томска, Кузнецка и Красноярска и монголами, настойчиво расширявшими сферу своего влияния в северном направлении на области поставлявшие пушнину. В этом заключалась и сильная и слабая сторона положения киргиз. Яблоко раздора между своими мощными соседями , Киргизская земля рано или поздно должна была подпасть под владычество той или другой из враждовавших за нее политических сил. Временами киргизы бывали даже принуждены одновременно признавать себя в подчинении и русских и монголов. Но, вместе с тем, соперничество врагов позволяло путем известного маневрирования, опираясь на одного, отражать притязания другого."

Сложность международной кон"юнктуры, в которую попали киргизы, определилась еще до основания Красноярска. "Даем де ясак", говорили их князцы в 1627 г. "один государю, а другой алтыну - царю, третий ясак черным калмыкам /джунгарам/.Каракуле - тайше ".[2]

В первой четверти XУП века киргизы входили фактически в

---

1 Ст. № 628, № 802, л. 188.

2. Портф. Миллера № 478, III № 51.

2 Ст. № 886, л. 186, ср.л.174.

отдельные князцы до известной степени были подчинены общему сейму и ответственны перед ним. Имеются указания и о применении сеймом мер понуждения по отношению к непокорному, и в этом отношении имеется известная аналогия с сеймами русских князей в Приднепровье. После набега Чогуна Еренякова на Томский уезд, остальные князцы всех трех аймаков во главе с дядею его отца Итполою ездили к нему и ему говорили, "по какому указу ездил воровать под Томский уезд на Чюлым в русские деревни и русских людей побивал и коней у русских людей и у киштымов скот отогнали и по какому указу". Заявление Чогуна "ездил-де я по указу Данжин-Умму /одного из калмыцких тайш/, и есть-де у меня лист за печатью", не удовлетворило его родичей, они потребовали, чтобы он показал самый лист, но он листа не давал, "говорил на словах". Тогда князцы отняли у него 28 лошадей, чтобы отдать их в виде компенсации за грабеж русским властям, и хотели даже его самого схватить и выдать в Каштацкий острог, но Чогун "сел в осаду и зарубился в засеку на Шерене со всеми своими улусными людьми". Прочие князцы его "осадили в осаду и поставили караул", потому что "хотел он бежать в мугаты со всеми своими улусными людьми".

в состав державы монгольской их Алтын - ханов, сложившейся на берегах реки Кемчика и озера Упсы. /Алтын - нор/. Возглавлявшие ее государи, принадлежавшие к одной из линий владетельного дома Западной Халхи присвоивали себе громкий титул "золотых царей" - алтын - ханов. Это было феодальное государство, возникшее на базе кочевого скотоводства. "Животина у них" писали русские служилые люди, проникшие на Кемчик в 1616 г. "лошади, кони добрые и середние, коровы и овцы и олени и козы, а аргамаков нет; а хлеба не сеют и не знают и нельзя им сеять, потому что горы и место каменисто". Алтын - ханы кочевали со своими народом в "полстяных избах"/кибитках/, "переходя по рекам и меж гор". Соседство с Китаем способствовало внедрению среди высших классов некоторых зачатков китайской культуры; в частности, в связи с развитием феодальных отношений имело место распространение среди них буддизма. 1)

В начале XУП века алтын - ханы достигли значительного могущества и об"ясачили целый ряд мелких туземных народцев южной Сибири. В период расцвета своей силы /в первой четверти столетия/ алтын - ханы распространили свою власть и на Киргизскую и на Тубинскую земли и даже на бассейн Кан: "Как де Красноярский острог был не поставлен ", официально заявлял впоследствии алтын - хан Лауцзан /Лоджан/, и то "тех мест киргизские и тубинские князцы и киштымы и качинцы все были отца и деда его Лоджановы", и они "имывали" с них ясак" 2.

---

1) Монгольские дела 1616 гд, л. 14, 16, 17, 30.

38

Позже, когда царство алтын - ханов стало колебаться под ударами джунгаров, их влияние на киргиз стало слабеть и поддерживалось лишь периодическими набегами на их территорию, пока ~~в 1666 г.~~ алтын - хан Лауцзан /Лоджан / Саин - хан - хунтайчжи не был окончательно разгромлен джунгарами.

До этого момента алтын - ханы считали себя верховными сеньорами Киргиз, а их своими "киштымами" "Киргизская де земля искони вечная их ясачная", говорил Лауцзан в ответ на русские притязания в 1657 г.. "Какая де земля вашего государя ? " спрашивал он презрительно русского посланника про Киргизскую землю : "земля де из веку наша, а киргизы де и тубинцы и алтырцы и кретцы и с киштымы вечные наши киштымы, а не вашего государя".

Полновластные государи над своими"киштымами"- киргизами алтын - ханы присваивали себе беспредельное право над их жизнью и имуществом."И то де мне вольно у своих киштымов хоть все взять, хотя их пощадить", говорил про них Лауцзан, бессознательно повторяя знаменитую формулум Ивана Грозного. "И похочу де я их велю побить, или возьму всех с собою".

Фактическая зависимость киргиз и тубинцев сводилась к уплате ими и их киштым ясака /албана по монгольски/ и "запросов". В первую четверь столетия киргизы вносили ясак более или менее регулярно. "Алтына царя люди приезжали из года в год к киргизским князцам и улусным людям и собирали с них ясак; когда они пускались в обратный путь к алтын - ца-

рю, то "за тем ясаком" ехали к алтыну-царю и отдельные киргизские князцы. Еще в середине столетия алтын - ханы хвалились,""а платят де киргизы и алтыри и тубинцы и керетцы ясак им по вся годы". В действительности дань, кажется, поступала в казну алтын - ханов с перерывами. Состояла она из пушнины, лошадей, скота и сараны. В 1657 г. Лауцзан, пытавшийся восстановить свои верховные права на Киргизскую землю, просил с киргиз и с тубинцев и других туземцев "запросов больших, чего прежсего не бывало", соболей и бобров и всякую мягкую рухлядь; и собрал с киргизов, алтырцев и керетцев 460 соболей и к тому еще "правил" с них 1000 соболей; его люди ездили по киргизским улусам, человек по 100 и больше, и"отнимали сильно лошади добрые". В 1664 году он опять посылал к киргизским, тубинским, алтырским и керетским людям"для запросов, для коней и скота"; они дали ему 300 коров и 1000 овец. Тогда же он послал по ясак в Тубу тубинских князцов и своих мунгальских людей, которые у тубинцев "лошади и рогатый скот и сарану и всякие запасы пограбили".

Сбор ясака производился с большой жестокостью. Лоджановы люди били ясачных людей, стреляли их из луков "томарами /стрелами/", у кого животы и сотки были "в похоронках", тех "пытками пытали и огнем жгли" и на лесу к деревьям вязали.[1]

---

1 № 377, л. 144. Ст. № 513, л. 41, 127, Ст. № 513, лл. 30, 42, 128. № 380, л. 69 - 70, 79. № 886, л. 66, ст. № 623. Монг. дела 1616 г. л. 46.; 1820, май.

Кроме ясака на киргизах лежали еще некоторые другие повинности. Во время войны их сеньоры (алтын-хан) требовали военной помощи и Лаунцзан брал у них к себе выбором для войны молодых людей.[1] Далее киргизы участвовали в "зверовье", т.е., вероятно в облавах, которые устраивали алтын - ханы на территории своих вассалов.[2] Наконец, они поставляли подводы (а провожатых) для послов, ехавших через их землю к алтын - хану.[3]

Алтын - ханы брали на себя общее направление внешней политики, заставляя киргизов действовать с ними за одно. В 1616 году алтын - хан принуждал их прекратить неприятельские действия в отношении русских, с которыми их сеньор вступил в дружественные отношения; он пригрозил киргизскому князцу Каре в присутствии русских посланников Василия Тюменцова и Ивана Петрова, "только де впредь киргизские люди хотя одного русского человека убьют, и он их всех до одного велит вырубить". В 20-х годах алтын - хан приказывал киргизским князцам и их улусным людям " в винах своих добити челом" московскому царю и " быть под царскою высокою рукою по прежнему". В другом случае, наоборот, за то, что они отпустили, вопреки его воле, томских служилых людей, он послал на них войною своих людей 100 человек и отгнал у них лошадей.

Бывали случаи, когда алтын - ханы в качестве сеньоров и патронов сами оказывали киргизам помощь против русских. Так в

---

1 Ст.№ 513, л.135.

2 Ст. № 513, л.132.

3 № 886, л.33, 35; 135. Монг. дела 1616, л.3- 4,

1636 г. во время похода Просовецкого из Томска на киргиз, на подмогу к ним подошел зять алтын - царя Турунтай - табун, а с ним "мугальские люди куяшники 100 человек.[1]

Для поддержания своей власти над ~~неспокойными~~ киргизами, алтын -ханы прибегали к обычной в практике средне - азиатских кочевых государств приему к заложникам; в 1657 г. Лауцзан поймал в аманаты у киргизских князцов детей их, братьев и племянников и держал их в крепости /т.е. в заключении/.[2]

В это время могущество алтын - ханов, однако, настолько пошатнулось, что они могли заставить своих киргизских вассалов повиноваться себе лишь путем карательных экспедиций, вроде тех, которые имели место в 1652, 1657 и 1666 гг. и то лишь при условии захватить их "расположа", когда они не ожидали нападения, - пробравшись на их землю "обманом, кочевным делом с женами и детьми", под предлогом общей охоты, как то имело место в 1657 г.

Зависимость от алтын - ханов была тяжела для киргиз. Особенно тяжело отзывались их периодические нашествия на Киргизскую землю, сопровождавшиеся большими жестокостями и разорением. Под влиянием набега 1657 г. ~~они~~ киргизы готовы были поддаться под русскую власть и искать у нее "обороны" от грозных монголов. Многие из них бежали под защиту Красноярских укреплений и согласились платить ясак. Одновременно князец Талай через Кузнецк просил осведомить Томский разряд "о их киргизских людей бедноте и об разореньи, что де им киргизским людям, от Алтын - царя и от сына его ... и от их мугальских людей великое утеснение и разорение, и чтоб ты, государь,, пожаловать велел их, киргизских людей от алтын -

---

[1] Монг.дела, 1616г., л. 25, ст.№ 886, л.37, 66, № 53, л.362 - 363.

[2] Ст. № 513, л. 132.

царя и от сына его и от мугальских людей оборонить, а буде де твоей государьской милости до них киргизских людей не будет и оборони, и они де ... в конец погинут".[1]

Разгром, который в 1666 г. нанесли алтын хану Лауцзану джунгары - освободил киргиз от монгольского ига и подчинил их другой еще более могущественной феодальной монгольской державе - Джунгарской.

Однако, отношения их к новым господам сложились совершенно иначе.

В известной мере киргизы всегда находились в некоторой зависимости от калмыков.[2] Еще в 20 - х годах они платили ясак Каракуле - тайше. Позже они подчинились его сыну, знаменитому Баатуру - тайше. Это подчинение джунгарам имело место параллельно подчинению алтын - ханам и не нарушало нисколько их суверенных прав на Киргизскую землю. Но когда в 60 -х годах джунгары разгромили державу алтын - ханов, киргизы подпали всецело под власть победителей, сперва Сенге - тайджи, а когда он был убит - его брата, знаменитого Галдана, принявшего титул Хунтайджи и "Бошокту" /благословенного/.[3] При последнем киргизы утрачивают в значительной степени свою независимость и входят в состав созданной им державы. Вступая в оборонительный союз с Москвой и обязуясь давать "весть" о приходе воинских людей, Ереняк поэтому делал определенное исключение для своего сеньора Галдана:

---

1 Ст. № 513, л.136.

2 Ст.№ 886, л.36.

3 Памятником владычества Галдана над Киргизскою землею является Шалаболинская писаница близ устья Тубы с текстом мирного договора в августе 1691 г.

" Я де, Ереняк, готов за великого государя биться и в городе весть подавать, кроме того, куда подойдет Кегень - тайша; а об Кегене - де вести не подали".[1]

Внешним выражением вассальной зависимости киргизских князцов являлись регулярные поездки их в ставку сперва к Сенге, позже к Галдану.

Джунгарские владельцы, подобно алтын - ханам, претендовали на албан с киргизов и их киштымов. Как сказано, уже в 1620 -х годах Каракула посылал к киргизам своих людей за данью. При Сенге - тайше и особенно при Галдане эти поборы приняли организованный характер. Галдану киргизы платили по 6 соболей с себя и с своих киштымов. Моторы и бойкотовцы в 1678 г. жаловались, что с них имали на Галдана на 2 года по 12 соболей с человека, да на его брата Должина по 6 соболей.[2] Сбор албана был организован при Галдане более или менее правильно, существовали особые книги, в которые были записаны киштымы, платившие ему дань. "Те де люди записаны в книги калмыцкому Тайше Бошухту - хану", говорили киргизы и без его согласия не решались ни одного из них отдать русским.[3]

Кроме албана пушниной, джунгары брали с киргиз и тубинцев поборы скотом и "добрыми конями". В 1689 г. они отбирали у них "всяким скотом половинный скот", благодаря чему

---

1 Сб.Хилкова № 100 Кегень - тайша - титул Галдана /вернее Геген/.

2 Ст.№ 886, л. 8, 360.;

3 № 1052, л. 546.

киргизы так "оголодали", что можно было опасаться их набегов на Красноярск.[1]

Киргизы далее были обязаны своему джунгарскому сюзерену военной службой. Когда в одном случае киргизы уклонились от похода против мунгалов из опасения, что в их отсутствие красноярцы разорят их землю, то Галдан, в виде репрессии за из "непослушание", у них "весь скот и живот обрал и их, киргиз, хочет запродать в Китайское /государство/ и землю их сделать пусту."[2]

Со своей стороны джунгары оказывали покровительство и вооруженную помощь своим вассалам. Киргизский аманат Начикай, настаивая на своем освобождении, говорил воеводе Ал.Сумарокову: "тайши де за нас станут, и в том де будет ссора и государевым людям кровопролитие и разорение." И, действительно, в 1667 г. Сенге - тайша явился под Красноярск требовать освобождения аманатов.[3] Поэтому, когда русские поставили острожек на Коштаке, то киргизские князцы поехали с жалобой к ~~Контайше~~ хунтайджи.

Внешние сношения вел сам сюзерен ~~контайша~~ хунтайджи. По вопросу о построении острожка в Киргизской земле, Ереняк говорил в 1683 г. "острог де в Киргизской земле им не надобен и о поставлении де острожном, что вел.государи Бошохту - хану прикажут."[4]

В спорах между русскими и киргизами Галдан выступает в

---

1 Ст. № 886, л.370, № 1317, лл. 620, 627.

2 Ст. № 1052, л.107.

3 Ст. № 802, л.198, № 1052, л.192

4 № 715 - 716, л. 124.

в качестве посредника и верховного судьи. В июле 1680 г. в его отсутствии, ~~в его улусе~~ его "ближние улусные люди, которым приказана без Галдана - контайши земля его, "ейзаны Ейзуйту и Манжин в своей "судейской юрте" дают русским посланцам, прибывшим в улус джунгарского хозяина, "очные ставки" с представителями киргиз. Выслушав обе стороны и указав неправоту той или другой, они "заказывали некрепко" киргизам, чтобы они с русскими жили смирно и задоров никаких не чинили"[1].

Контайша вмешивался во внутренние дела киргиз и давал властные распоряжения их князцам. В 1692 г. он послал к ним своего посланца Ирки - Гелюна с тобольским сыном боярским Матвеем Юдиным с приказанием сыскать и вернуть беглых ясачных людей русским[2].

Свою власть над киргизской землей джунгарские ~~контайши~~ хунтайджи осуществляли через посредство посланцев, назначаемых из числа джунгарских дворян /ейзанов/ или зайсанов/ или духовных лиц /гелюнов/.[3]

При известии о приезде ~~контайшина~~ такого "посланца" к нему немедленно собирались киргизские князцы с их людьми. Ейзаны присылались в Киргизскую землю для "всякой расправы". Они, во - первых, собирали алиан на контайшу.[4] Но сбором алиана не ограничивались функции посланцев. Они следили также и за внутренним порядком в стране. К гелюну, пребывавшему в 1692 г.

---

[1] Сб.Хилкова, № 99.

[2] № 1317, л.22 - 23; №1052, л.546

[3] Н.Н. Козьмин полагает, что посланцы были постоянными наместниками и имели свою резиденцию "Ургу" на р.Нине, притоке Абакана. Подтверждения этой догадки я в документах не нашел, но во всяком случае приезды посланцев имели место так часто, что придавали их должности характер постоянный.

[4] Пам.Сиб_Ист. XVШ в. т.1 №№ 20.

на устье Упсы обратился бухарец Иркибек, "чтоб де он, килюн, учинил указ" об убийстве красноярского ясачного татарина Куртелячка и по его челобитию гелюнг посылал к алтысарскому князцу Корчуну Еренякову "лист, чтоб де он ... тех воров казнил".[1] Посланец Контайши Он же являлся верховным руководителем внешней политики вассалов своего государя. В 1683 г. томский сын боярский Иван Петров застал на Абакане посланца Галданова Батырь - ейзана, который и пригласил его к себе в "ургу" и угощал его, "корм учинил великий". Со своей стороны, Петров преподнес ему подарки от имени царя - 5 а., красного сукна, 2 выдры и кожу красную. После обеда Батыр стал расспрашивать "отколе задоры чинятся и за что война стоит." Петров вычитал из наказа все, что говорилось о "воровстве" киргизов и ейзан велел своему секретарю /подьячему/ "писать своим калмыцким письмом с наказу речи слово в слово". По требованию русского посланца, ейзан вызвал Еренякa из - за Абакана, где он кочевал, к себе для заключения мирного договора.[2]

В 1701 году посланец контайши Аба - зайсана прислал в Красноярск предложение прекратить военные действия с обеих сторон. Мир и был заключен в ставке зайсана на р. Абакане. Переговоры велись под его председательством в его юрте, и выступавшему от имени всех киргизских князцов езерскому князцу Шорло - мергеню было "велено ... за всех киргиз быть в посольском ответе" - " по указу контайши и по приказу

---

1 № 385, л.208; № 1317, л.24

2 Ст. № 715 - 716.

Абы - зайсана". При заключении договора сам зайсан пил шерть вместо отсутствовавшего по болезни князца Корчуна Еренякова.[1]

Те же посланцы организовывали и походы на русских. Предшественник Абы - зайсана Бичик подготавливал набег на Томский уезд и распорядился, "чтобы киргизские люди лошадей своих берегли и выше де 4-х лет лошадей приказал пятнать железом, чтоб всем киргизским людям иттить под Томский войной"[2]

Джунгарские контайши считали себя полновластными хозяевами в Киргизской земле. Потерпев поражение от казаков, Галдан в 1689 г. посылал своих тайша в Киргизскую землю "переписать у них женск пол, вдов и девок", считая себя в праве, в случае надобности пополнить ими урон, который он понес.[3]

Монгольское завоевание способствовало ускорению разложения родового строя и вкоренению в патриархальный быт киргизов феодальных приемов эксплоатации. Агенты своих сюзеренов по сбору ясака, киргизские князцы использовали эти приемы и для собственного обогащения и Киргизская земля раскалывалась на две неравные группы господствующего княжеского рода и их черных людей и ясачных.

1 Пам.Сиб.Ист. ХУШ в. №№ 13 и 37.

2 То же 1, № 33.

3 Ст. № 1052, л. 102.

Борьба енисейских кыргызов за независимость в XУП в.

Из всех сибирских народов енисейские киргизы оказали наиболее сильное сопротивление ~~захватническим~~ притязаниям Москвы (царей) и фактически, ценою величайших лишений, остановили почти на целое столетие ~~их~~ продвижение (русских) на юг. Эта борьба маленького народца с технически (более) сильным врагом ~~за право независимого существования~~, полна большого драматизма. В лице киргизов и тесно связанных с ними тубинцев (царизм) ~~захватчики~~ встретил (исключительно) ~~сильных~~ (храбрых) и опасных врагов, которые боролись с ~~остервенением~~ (упорством) за свою независимость. "А будет к нам государьская немилость", говорили киргизские князцы в ~~1736~~ 1627 году "и задор от государевых людей нам учинится, и нам по великой нужи за свои кочевья и за жены и за дети свои всем без остатку един по единому помереть, и в том государю не прибыль ~~и~~ будет что нас мертвых всех поимать".[1]

Трудность борьбы с киргизами заключалась, однако, не только в военной доблести этих степных ~~всадников~~ (наездников). За ~~их~~ спиной их и тубинцев стояли сперва могущественные монгольские алтын - ханы, позже джунгарские хунь - тайчжи. Руками киргизских и тубинских князцов те и другие выбирали "албан" /дань/ с красноярских туземцев и их оружием вели борьбу со своими русски-

---

1 Ст. № 886, л. 190.

ми конкурентами. Входя в качестве вассалов в состав сильных кочевых государств центральной Азии, будучи частью их, киргизы имели со стороны своих сеньоров постоянную и сильную поддержку. Борьба Московских царей с киргизами являлась в сущности скрытою борьбой с монголами и джунгарами за право эксплоатировать население тайги.

Русские впервые столкнулись с енисейскими киргизами в начале ХУП века, когда русские поседения стали продвигаться на верхнее течение Оби и на Енисей.

В марте 1604 года состоялся указ царя Бориса Годунова о постройке на реке Томи города. Указ этот был вызван ходатайством местного суштинского князька Таяна, расчитывавшего при содействии Москвы оборонять свои небольшие владения от нападений со стороны более могущественных соседей. В челобитной, поданной на имя царя, он в числе своих врагов называл и киргизов. По его словам, от места, намеченного для постройки нового города, "до киргизского до князка до Номчи 7 ден, а людей у него 1000 человек, а до другого князка до Бинея до ближнего кочевья 10 ден, а до дальнего кочевья 4 недели, а людей у него 10.000 человек". Таковы были первые, сильно преувеличенные, сведения, которые были получены в Москве о киргизах. Воеводам нового Томского города было предложено послать служилых людей, в дальние волости и землицы", в частности, "в киргизы" для привода их в ясак".[1] Во исполнение этого наказа в конце 1608 г. из Томска были отправлены ясачные сборщики к некоторыми из племен, входивших в состав Киргизской земли - дессарам /вероятно, езерцам/, матам, моторцам и в Тубу, откуда привезли несколько десятков соболиных шкурок с подтвержденным шертью о

1/ Томск в ХУП в., изд. Горохова, стр. 19,23.

обязательством "быть под царской рукою неотступно".1/ В январе 1609 г. ясачники были посланы к непосредственно " в киргизы" Князь Номча дал со своих людей ясак и даже отпустил с ясаком в Томск свою жену и, "хотел сам быть", но другие киргизские князьки Кочебай с товарищами не только отказались платить ясак, но били ясачников плетью и морили их голодом. Одновременно **начались** набеги киргизов под начальством того же Кочебая на ясачные чулымские волости Томского уезда, сопровождавшиеся уводом ясачных людей, живших "подле киргиз близко, с киргизскими людьми смежно". В набегах принимал участие и Номча, оскорбленный тем, что в Томске его жена была ограблена, с нее сняли собольи шубу. В виде репрессий томские казаки и служилые татары 25 июня того же 1609 г. пришли "на киргизских людей ночьбой". Настигнутые врасплох киргизы бежали за Енисей, побросав свои животы; казаки захватили большое количество скота и много женщин и детей, но на обратном пути сами подверглись нападению киргизов, которые отбили у них добычу и нанесли им "на погони" значительный урон.2/ В 1609 г. уж не удалось получить ясак ни с песарей и с моррцев, ни с Тубы, "что приходу не было в те волости для киргиз, что те волости живут позади киргиз, а мимо киргиз в те волости проходу нет".3/

Так началась война между томскими воеводами и киргизами. Киргизы энергично поддерживали все выступления томских ясачных людей, стремившихся сбросить с себя "государев ясак".

В июле 1614 г. сам Томск подвергся серьезной опасности со

1/ Миллер, История Сибири, т.I, М.-Л. 1937г. прилож. №№ 63-65. Дессары дали 66 соболей, моторцы - 60, мотские люди 35 и тубинские 25.
2/ Миллер. История Сибири т.I, прилож. №№ 60,69,70
3/ Там же №№ 71 и 72.

51

стороны киргизов и "иных ори многих людей" - кызылов, басагарв мелесов и чулымцев; они "под городом в острогах" у служилых людей и у пашенных крестьян жен и детей побили, хлеб весь вытоп тали и "животину всякую" отогнали. Томичи сделали вылазку и отбили врагов от стен города, причем был убит один из киргиз ских князьков Ноян, но сами защитники Томска потерпели значи тельный урон, потеряв 12 человек служилых людей и 5 чел. пашен ных крестьян, не считая крестьянских "ярыжних" /рабочих/. На следующий год томские всевоны послали отряд в 220 человек про тив киргизов и их союзников. Экспедиция увенчалась успехом, казаки "высекли" три городка и отогнали пленных и скот.[1] В результате этого поражения киргизы дали в Томск аманата и согласились платить ясак.[2] Однако, набеги на Чулымскую волость продолжались, ясак выплачивался крайне неаккуратно и самыми плохими шкурками, "на зацор", как жаловались Томские всевоны в 1621 г. при построении Мелесского острога произошло новое столкновение с киргизами. Киргизские князьки считали и мелесских людей своими кыштымами, поэтому они пытались силой воспрепятствовать постройке в их земле русского острога, но потерпели сильное поражение. Князец Кара с женой был захвачен в плен и задержан в Томске в качестве аманата. В плен попали малолетние племянники и другого "лучшего" князца Ишея.[3] Этот успех русского оружия не только обеспечил мира, но наоборот обострил отношения с воинственными киргизами: "вчалась им война", поводом для которой послужили смерть Кары в плену и судьба Ишеевых племянников, которых томский воевода князь Ив.

1/ Там же, т.I № 88, 92 т.II, стр. 567.
2/ Там же, т.I № 90.
3/ Сиб. прик. кн.6, лл.75-76; ср. Миллер, т.II, стр.563 и 567

52

Шаховской незаконно присвоил себе и, взяв выкуп от Ишея, все-таки крестил и увез с собою в Москву. В июле 1624 г. киргизы опять появились под Томском, отогнали лошадиные и коровьи стада, и "потолочили" хлеб на казачьих и крестьянских пашнях; подгородные крестьяне заперлись в избах и кое-как отсиделись от врагов, но попытка служилых людей отбить скот и лошадей окончилась неудачей. В Томске ожидали новых нападений; воеводы сели в осаду; из Тобольска "по тем вестям" на помощь был прислан отряд служилых людей. Эти известия сильно встревожили московское правительство. В Тобольск к воеводе Ю.Я. Сулешову послан был указ с предложением, в случае, если не удастся подействовать на киргизских князьцов уговорами, приступить к военным действиям, Сулешов в ответ уведомил, что по собранным им ~~данным~~ сведениям, "уговорить де тех киргизских людей призывами добром и ласкою под... царскую высокую руку нельзя" Поэтому он решил прибегнуть к военной силе. Но поход был отложен в виду происшедшей смены воевод в Тобольске. Новому воеводе князю Дм. Тим. Трубецкому 17 апреля 1625 г. из Москвы была послана грамота с предложением писать в Томск к новым томским воеводам о "промысле" над киргизами.[1]

Положение было тем серьезнее, что при дальнейшем продвижении на юго-восток, не только в Томске, но и в других местах русские власти сталкивались теперь с теми же киргизами. Под ударом находился и основанный в 1619 г. на Енисее Енисейский острог. В 1626 г. по слухам о том, что киргизы, тубинцы, маторцы и саянцы собираются напасть на Енисейск, спешно были при-

1/ В основу изложения событий в 1610-1625гг. положена Сиб.Прик. кн.№ 6, лл.65-87-об., 163-165; /ср.Миллер II,стр.566-568/.

2) Миллер, История Сибири, т. II, М-Л., 1941, прилож. № 186

√ В 1622 г. киргизы произвели набег на Абинскую волость Кузнецкого уезда 2)

няты меры к укреплению города: поставлен или новый острог, и "на-
пробы крепкие" вокруг него, построили новую башню и ворота, по-
чинили старый острог, вырыли ров крепкий. В Красноярска более трех
месяцев сидел в осаде в ожидании неприятеля, по его просьбе
из Тобольска прибыл на подмогу сын боярский с отрядом служилых
людей и артиллерией.

Постоянная опасность со стороны киргизов, препятствовавшая
русской колонизации на верхней Оби и на Енисее поставила на
очередь перед московским правительством вопрос о постройке вы-
ше Енисейска города, который бы одновременно служил ему за-
слоном с юга и угрожал киргизам, наступавшим на Томск. Такую
цель преследовала постройка Красноярского острога в 1628г. "А
только-де тот острог поставится, и в Енисейском -де остроге
можно быть и с одним человеком для того, что тот Енисейский
острог будет за хребтом", доказывал бывший енисейский воево-
да Яков Хрипунов в 1624г. в Сибирском приказе. "А только-де
того нового острогу ставить не послать, и в Енисейском остро-
ге без прибавочных людей быть не уметь для того, что Енисей-
ский острог место дальнее, за всеми сибирскими городы, укра-
инный город, и приходы к нему живут воинских людей частые, да и го-
сударевых ясачных людей, которые платят в Енисейский острог ясак,
чем енисейским служилым людям с одним человеком уберечь от воин-
ских людей немочно, что государевых ясачных людей воинские
люди воюют ежегодно." 1/ Уже в 1631 г. томские служилые люди
отмечали благоприятные результаты постройки острога на реке
Каче. "В прежних годех, как Красноярского острогу не было",-

1/ Сиб.прик.ст.№ 12.

54

заявляли они, "и киргизские люди с другими немирными землями прихаживали под Томский город и на ясачные волости не на одно время... и ясаку не давали долгое время, ак как-де Красноярский острог поставился, и киргизских людей... войною с тех мест не бывало/ и учали... ясак давать попрежнему, а качуют-де киргизские люди менее Томского уезда и мене Красноярского острогу, а Красноярский острог стал у них, у киргизских людей/, за хребтом".[1]

С постройкой Красноярского острога киргизы, действительно попали в очень тяжелое положение, особенно первое время, пока не установилост точного разграничения сфер влияния томских и красноярских, так как требования ясака поступали и с той и с другой стороны. В 1630 г. киргизские князцы во главе с Кочебаем жаловались официально в Томске что красноярские казаки приходили к ним с Красно яру за ясаком и угрожали им: "будет они, киргизы, государев ясак дадут в Томский город, а не на Красный яр, и они их, киргиз, учнут воевать", убоясь этих угроз киргизы послали ясак в Красноярск, а не в Томск.

С своей стороны и красноярский воевода Архип Федорович Акинфов жаловался в том же 1630 г. в Томск, что посланные им ясачные сборщики, которым было "по государеву указу велено... имать государев ясак с киргизских и с улусных лет против прежнего 137 году, как киргизские князцы и улусные люди в Красноярский острог Ондрею Дубенскому /основателю Красноярска с.Б.) дали", вернулись ни с чем, потому что томские служилые люди уже взяли с киргизов ясак. На этой почве между томской и краснояр-

---

1/ Сиб.прик. ст.№ 30, л.547.

55

ской администрацией начались пререкания. Поскольку Томское воеводство было разрядом, т.е. округом, и ему формально был подчинен Красноярск, то оттуда последовал приказ Акинфову "впредь в киргизы из Красноярского острогу для ясаку не посылать и ко государской милости на Красный Яр киргизских людей не призывать, а красноярские служилые люди, угрожавшие киргизам войной, были вытребованы в Томск и биты кнутом"[1].

Вынужденные отказаться от попыток объясачить киргизов, красноярская администрация направила свои усилия против Тубы, но и здесь она встретила конкурентов в лице енисейских служилых людей. Однако военная экспедиция в ~~набег~~ на Тубинскую землю, организованная из Енисейска в 1629/1630 гг./ кончилась неудачей: енисейских служилых людей, когда они, "подняв кош", двинулись в обратный путь с ясырем, на дороге настигли тубинские князцы Сочет и Каян с большим войском. "И нам, государь," рассказывают енисейщики, "холопем твоим, учинился люди не в силу, потому что с теми твоими государевными изменниками скопились люди многие". Служилые люди наскоро укрепились в стане, "оверпясь лыжи "нартами", сели в осаду и отбивались пять дней. Встретив сильный отпор, тубинские князцы прекратили нападенье, и "зашли наперед" на дорогу, по которой предстояло отступать русским и залегли в засаду в лесах, ожидая их прихода, но те поделали на нартах шесты и, положа на нарты раненых людей, "стороною" пробрались в Енисейск. Участники похода хвалились, что они, несмотря на свою малочисленность /их всего было 40 человек/ "царскому имени порухи не учинили", тем не менее они сознавались, что едва избегли гибели, и, по возвращении, "победу оберег своему" пожертвовали ясырь и "вякую погромную рухлядь" на постройку церкви в честь "ангела" царя Михаила[2]. Это поражение положило конец

1/ Миллер, История Сибири т.П, приложение № 272, 283.
2/ Там же № 273.

всем попыткам покорить Тубу со стороны Енисейска.

Более удачны были военные предприятия красноярцев. Столкновение с Тубинским князцом Кояном произошло у них из-за его кыштымов-канских ясачных людей, с которых оне собирал албан /дань/ для алтынхана и джунгар. Когда Коян отказался платить ясак московскому государю, то в феврале 1630 г. из Красноярска послан был отряд служилых людей под начальством атамана Дементия Злобина. Попытка привлечь Кояна к уплату ясака "лаской" не увенчалась успехом, На приглашенье съехаться с служилыми людьми и "государский хлеб и соль есть", он прибыл с "великим береженьем" его сопровождали 60 воинов в куяках и с луками, в русский стан ехать от отказался и потребовал, что "государеву хлеба и соли от станов отнесть сажень на 50", а, когда служилые люди попытались его захватить силой, то воины, которым у него "были в обороне" /т.е. стояли в стороне наготове/ стали стрелять из луков, и Коян и его приближенные, принимавшие участие в угощении, человек 20, схватились за ножи и, "скача", пошли в рукопашную. Хотя Коян сам ушел, но служилым людям удалось задержать одного тубинского "мужика",/по другим сведениям сына Кояна/, брата и сына морского князца Шижемека и даже одного из алтынханов людей, сопровождавших Кояна для сбора алмана 1/. Таким образом, известные результаты были все-таки достигнуты, но разумеется эти результаты оказались непрочны. Пленники сделали неудачную попытку бежать, но были задержаны качинцами и аринцами; Акинфов за побег велел их повесить, и этот по существу незаконный и жестокий поступок вызвал выступление киргизских князцев, считавших себя союзниками и покровителями Тубинцев.

1/ Там же, № 277.

57

В августе 1630 г. сын Кочебая Табун во главе 360 человек подходил к Красноярскому острогу, отгромил у служил людей 35 лошадей и угнал к себе аринцев и качинцев.[1] Так начались неприязненные действия между Красноярском и киргизами, которые тянулись почти непрерывно в течение всего XVII столетия.

1/ Там же, № 284. NN 283, 349.

11.) Ценою ~~утраты своей независимости~~ признания власти алтынханов и джунгар киргизы смогли при поддержке своих монгольских сюзеренов ~~смогли сохранить в течении XVII века свою независимость от~~ более или менее успешно защищать себя от ~~[illegible]~~ обязанных их томскими и красноярскими служилыми людьми.

свою независимость. Уже в 1627 году они формулировали в переговорах с тобольским сыном боярским Дм.Черкасовым те условия на которых они соглашались быть вассалами Московского государя. Они готовы были служить военную службу, " что им всем под государьскою высокою рукою быти и где государь укажет на своей государевой службе быти, и им государю правдой служити. А только-б государь нас пожаловал, велел нам свою государеву службу служить так же, что и чатским татарам и мы-б ему, государю прямили."[1]

Что касается ясака, то ~~они~~ киргизы обязывались ежегодно присылать известное количество шкурок /100 соболей/, скорее в виде почетного дара, чем дани. От этих своих требований они не отступали в течение ХУП века, и московский государь, несмотря на ряд ~~карательных~~ экспедиций, не мог не только добиться полного подчинения с их стороны, но даже и выполнения таких скромных обязательств.

Из года в год киргизы нападали на пограничные русские уезды, опустошали их и беспрепятственно возвращались в свои степи, с добычей ;, по вся годы в работное и летнее время хлебного

---

1 Ст. № 886, л.192,188,290,288.

жнитва и сенокосу приходят под Красноярской войною, а в инные времена, когда с войною не приходят, и они, киргизские князцы, посылают для отгону всякого скота немного своих улусных воровских людей... села и деревни жгут и всякой скот отгоняют и людей побивают до смерти".[1] Напрасно вторгались в их степи русские служилые люди, напрасно брали с них аманатов (с киргизов в Томск, с тубинцев - в Красноярск), засталяли "пить шерть".

Пограничная война продолжалась без перерыва. Давая аманатов в Томск, киргизы не считали себя связанными никакими обязательствами по отношению к Красноярску. Подобно тому, как в степных государствах возможны были войны между отдельными тайшами, так и они считали возможным воевать с отдельными русскими воеводами. В 1692 году они грозились войною против Красноярска, "хотят де они, киргизы ныне повидаться с красноярцы и около их, красноярцев, покормиться, а с томскими, с кузнецкими и с енисейскими жители у них мирно, а с красноярцы -ж за тубинцев у них война".[2]

Туба находилась в менее благоприятных условиях в отношении русских, чем киргизы. Тубинцы жили в значительной степени пушниной, которая шла ~~к ним~~ от их киштымов с Кана, и отказаться от этой добычи они не хотели. С другой стороны, верховья Кана, подходя близко к верховьям Упсы - открывали и русским ~~захватчикам~~ служилым людям дорогу в Тубу. Борьба с тубинцами шла поэтому не столько в степи, мало доступной русским, сколько на Кане, в пределах ~~русского~~ царского владычества. Отдельные тубинские

---

1 Ст.№ 1317,л.3

2 Ст. № 1317,л.30

князцы, слишком неосторожно приближавшиеся к Канскому острогу, неоднократно попадались в аманаты и вынуждены бывали платить ясак со своих улусов, да и сами русские производили с некоторым успехом поиски в пограничных тубинских землях. Однако, и тут не могло быть и речи о подчинении Тубы русским. Если за киргизами стояли монголы, то за тубинцами - киргизы, которые мстили и боролись за них..

Борьба с киргизами могла вестись двумя способами. Либо надо было решительным ударом сокрушить их мощь и заставить платить ясак, либо медленно и упорно наступать на степь, строя на каждом шагу остроги и крепости, постепенно отхватывая территорию, как в Московском государстве ее отхватывали от крымских татар. К мысли "смирить киргизов" возвращались неоднократно в течение XVII в. Уже при Андрее Дубенском, атаман Ив.Кольцов был послан в Киргизскую землю, и вернулся с набега с успехом. В начале 30-х годов Дем.Злобин несколько раз ходил против ~~киргиз~~. Одновременно делались попытки под-

чинить ясаку и тубинцев.

Эти попытки объясачить степь показали однако бессилие одного острога в этой борьбе.

В Летом 1634 г. имел место разорительный набег степняков на Красный Яр. „Конные и плавною в лодках и в стругах" нагрянули, ~~на~~ „собрався со многими землицами", киргизы, тубинцы, моторы, кашинцы, даже мугалы (монголы, вероятно, алтын-хановы), на сенокосах и рыбных ловлях побили человек 46 русских служилых людей и крестьян, и ясачных людей „на курлышных пашнях"[2] 40 человек, и жен и детей у них (ясачных людей) в полон поимали, ~~с~~ жатый хлеб и ~~сено~~ сена пожгли, несжатый хлеб вытоптали, выжгли две деревни, подступали „накрепко" ~~под~~ к острогу и к слободам и стояли под Красноярском четыре дня. В октябре киргизы повторили набег, отогнали „без остатку" табуны и ~~выгоняли~~ разорили уезд „до основания". Одновременно осенью того же года произведено было нападение и на Кузнецкий ~~уезд~~ острог и на Мелесскую волость. Передовые отряды доходили до Томска и „в подъезде" мурз чатских[3] и служилых людей под городом побили.[4]

~~1) Доп. к А.И. IV №67~~

2) Курлык - род гречихи

3) Чатские мурзы несли службу по охране границ Томского уезда

4) Ст. № 40, л. 61. Миллер, История Сибири, т. II, прилож. №№ ~~237~~, 329, 330, 331, 335, 341.

На следующий год, в виде кары, из Томска было отправлено

61 145.

против них войско под командою знаменитого Андрея Просовецкого; который, однако, попал в трудное положение и был окружен неприятелем; ему пришлось "в крепком месте табориться", и пешие люди "уже напуску киргизского сдержать не чаяли". Поляк Ост.Михалевский, взяв с собой немногих людей, сделал из таборов вылазку на помощь теснимой врагами пехоте и, "впадши в киргизские полки," сбил палашом шелом с князца Изергея, и князца Бехтенея ранил; и киргиз от табора отперли". Однако, на помощь киргизам подоспело войско алтын - хана, состоявшее из 400 куячников. Началась осада таборы; на пятый день русские стали пробиваться вон из Киргизской земли, но киргизы и мугалы "заступали" им дорогу. Просовецкий поручил Михалевскому "передом на бой итти и служилых людей на полки мугальские и киргизские привести". "И как куяшники мугальские и киргизские люди первым напуском служилых людей копьем смешивать стали",- красноречиво описывает Михалевский, - "и я, холоп твой, то видя, хотя перед всех за тебя, государя, на твоей царской службе голову свою положить и чтоб в дальней твоей государевой отчине восточных странах азиацких поганских народех славно и велико твое царское имя было /перед всем войском от мугальских и киргизских стрел латы мне пробивались, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали, со криком всяким на меня, холопа твоего, напускали, голову ранили,/, приводя служилых людей к бою, не отступя, до тех мест, пока мугальских людей сперли, Турай - табуна убили и мугальских людей многих побили и поранили и в напусках киргизского лучшего князца сына Ишеева убили и

многих киргиз побили и поранили". Несмотря на красноречие рапорта Михайловского, по существу это было поражение, в лучшем случае удачно проведенное отступление.[1]

В 1635 году тубинцы сами произвели нападение на Канскую землю, поставившее под вопрос владычество русских на Кане. Посланный против них атаман Милослав Кольцов вторгся в Тубинскую землю, но на обратном пути тубинцы, нагнав его на дороге, "великий бой учинили", убили четырех человек, многих перераниди, ясырь - жен и детей - и лошадей отбили и " великий позор учинили" русским. "Божьею милостью" служилые люди "в те поры на великую силу едва справились и от них ... отбились". "И всем изменникам", вспоминали впоследствии участники похода "стало похвально, а твоему государеву величеству и нам, холопам твоим, от тех изменников стало позорно".[2] В 1636 году под Красноярск очень приходили киргизы с тубинцами и мотурзами.[3]

В Москве встревожились, тем более, что не только канские но и подгородные татары тоже "изменили". Решено было послать из Томска служилых людей "с огненными и со всяким ратным боем" в Тубинскую землю. Предполагалось, что они пойдут Чулымом через Кизильскую землю и соединятся с красноярскими служилыми людьми, которые должны были итти вверх по Енисею в легких судах до устья Тубы, чтоб помешать соединению с тубинцами киргиз и мугалов. Это был тот план, которым впоследствии производились все экспедиции в Киргизскую землю. Он встретил, однако, сильную оппозицию со стороны томских слу-

1) Сиб. N 53, л. 362-363
2) Сиб. N 30, л. 282-283
3) Сиб. N 40, л. 184-185

жилых людей, которые заявляли, что " на Кизилы нельзя пройти на Красный Яр никоим обычаем". Томские воеводы, со своей стороны жаловались на недостаток людей. Из Москвы, однако, последовало в июле 1638 г. подтверждение первоначального указа с выговором за промедление.[1]

В 1638/39 г. вопрос о войне с киргизами и тубинцами серьезно обсуждался в Москве. В Сибирском приказе был допрошен Яков Тухачевский, ходивший через Киргизскую землю к алтын-хану. Тухачевский изложил подробный план похода. В прибавку к томским ратным людям следует послать из Тобольска 400 чел. русских служилых людей и 500 татар. Поход надо совершить "по последнему зимнему пути, что им бежать будет нельзя". Местом, где сходится рати, идущей из Томска, с красноярскими и кузнецкими служилыми людьми, он намечал р. Урюп, близ Божия озера. В случае удачи, Тухачевский сулил :" в том де будет государеве казне прибыль против великие реки Лены". Все его соображения были подтверждены находившимися в Москве томскими и красноярскими служилыми людьми. На основании всех этих данных, Михаил ~~Федорович~~ царь Федорович указал послать на "изменников" на киргиз и на тубинцев и на моторцев самого Якова Тухачевского. С ним отпущено было из Тобольска 200 человек русских служилых людей и 100 татар, с Тюмени 200 чел. и с Тары - 100 человек, всего 600 чел., вместо 900, о которых он просил. В Томске должно было присоединиться еще 200 человек, из Кузнецка 20 ч. и из Красноярска - 50 чел. В общем итоге, под

---

1 Ст. № 161,л.54 - 57.

его командованием сосредотачивалась очень внушительная армия в 870 человек, хотя и значительно меньшая, чем та, что он предполагал. Из Москвы она была снабжена пищалями добрыми, латами с шишаками, прапорами, "гротиками" /дротиками/ и барабанами.

Вступая в Киргизскую землю (?1641 году) после трех - недельного похода Тухачевский разорил улус князца Иджинея, но затем сам был окружен толпами киргиз (ами) и подошедших (ми) к ним на помощь джунгарами (ами) и монголов (ами); у служилых людей не хватило пороху и свинцу, пришлось отступать (уходить) из Киргизские земли, "отходом оборонною рукою, отаборясь верблюды", с трудом отбивая в течение четырех суток "натиски жестокие", "день и нощь беспрестанно". Среди (В) войска началось брожение, ратные люди "забунтовали", покинули своего предводителя "на степи" и разбрелись врозь; с ним осталось только 39 человек. Он послал в Красноярск, умоляя о помощи; Красноярский воевода Алф. Баскаков отправил (послал) его "сыскивать" отряд в 200 человек, которые сыскали (настигли) его на р.Июсе; с красноярскою подмогою Тухачевскому удалось выполнить свою основную задачу - поставить на Чулыме (е) Ачинский острог, где он с ними и дождался назначенного к нему на смену воеводу Ив. Кобыльского. Кобыльский, приняв Ачинский острог, ходил из него походом в Киргизскую землю, перешел Июсь и вступил в горы. Здесь на него напали киргизы, "не допустя до своих улусов". Бой был ожесточенный и продолжался "с 3-го часу дня и до вечера". Киргизы потерпели на этот раз поражение, шертовали и выдали аманатов. Кобыльский, считая свою задачу выполненной, распустил войска и в августе 1643 г. уве-

домил Москву о достигнутых результатах. Успех Кобыльского в значительной степени об"ясняется теми общими условиями, которые переживадись центральной Азией, в частности войной Баатур-хунтайчжи в Туркестане, отвлекавшей его от пограничных дел и отношений, но это был успех на этот раз вполне реальный. На границе Киргизских степей был поставлен острог, форпост для дальнейших наступлений ~~новых русских военных захватов~~, а самый факт вторжения вглубь их страны произвел впечатление на киргиз и лет на 30, если не прекратил, то ослабил их натиск на Красноярск.[1]

Из за киргиз русским пришлось вступить в довольно оживленные сношения с их сеньорами - монгольскими алтын - ханами. "Золотой царь" Кункачей /Шулуй - Убаши - хунтайчжи/, в 1616 г. признавший себя моссковским вассалом, тем не менеа принял под свое покровительство киргиз, оказывая им поддержку в борьбе с русскими и пред"являл притязания на албан с ~~их Канских~~ киштымов. Его преемник Омбо - Эрдени, занятый монголо - китайским отношениями, склонен был в начале к миролюбивой политике в отношении Москвы, признал себя вассалом московского царя и готов был поддерживать с ним мир, ценою независимости киргиз. Однако, в 50-х годах политика алтынханов резко изменилась. Теснимые джунгарами, они все пристальнее направляют свое внимание на вассальную Киргизскую землю и своими агрессивными действиями подвергают серьезной опасности Красноярск. Осенью 1652 года племянник алтын - хана Эрдени, Мергень - тайша, враждовавший с дядей, вторгся внезапно в Киргизские степи; за ним во след появился и сам старик Эрдени с сыном Лауцзаном. Киргизы,тубинцы

---

1 Ст.№ 292, лл.77, 55-56.

и их киштымы, охваченные паникой "от алтын - царя и от племянника его разбежались в камень и в черные леса", часть их спаслась на подвластную русским территорию. Алтын - хан, вынудив к сдаче засевшего в каменном городке Мергеня и примирившись с ним, стал на Ербе во главе армии в 5000 чел.; доброжелатели из киргиз сообщали, что грозный завоеватель готовится к походу на Красный Яр. Но престрелый алтын - хан ограничился тем, что заставил киргиз лишний раз признать его власть и, провозгласив на киргизском сейме своего сына Лауцзана правителем государства, "потому что он, алтын - царь, устарел"/ и, сопровождаемый в качестве почетного эскорта киргизскими князцами, ушел с Ербы в свою землю; одновременно и Мергень - тайша удалился за Саянский камень.[1]

В сентябре 1656 г. Лауцзан опять вторгся в Киргизскую щемлю и стал на р.Ербе в 5 днях от Красноярска, застигнув врасплох киргиз, тубинцев и других туземцев, не успевших спастись под Красный Яр. Он пробыл здесь до июля следующего года и, забрав аманатов, собрал с окрестных племен ясак. От его притеснений они опять разбежались " в камень и в черные леса". Многие тубинские князцы откочевали под Красноярск. Но в самом Красноярске с его наличным гарнизоном в 250 челов. была паника.Воевода Мих. Ф.Скрябин писал в Томск о подмоге, ~~и, как всегда,~~ но оттуда не последовало никакого ответа. Из Енисейска же пришел вспомогательный отряд в 40 челов.

---

1 Доп. к Акт.Ист. Ш,№ 108

Скрябин пытался было устранить опасность ~~мирным путем~~ дипломатическим путем. В марте он послал пятидесятника Род.Кольцова к Лауцзену, который принял его очень холодно и д даже не спросил его о "многолетнем здоровье" царя. После некоторых предварительных пререканий, посланец, напомнив, что отец Лауцзена признал себя подданным московского царя, прямо перешел к делу: " С государевой Киргизской земли ныне сойди и впредь на государеву землю не приходи, тем на себя государева гнева не наводи ! а киргизы и тубинцы и алтырцы и керетцы учинились государей наших в вечном холопстве, и ты с них большие запросы остави, а что они давали отцу твоему, и государев воевода за то ничего не говорит и за то не стоит". Лауцзан отвечал не без колкости, что воевода напрасно пишет про подданство его отца : "когда де царь царя бывает в подданстве ? когда де царь царя возьмет войной, тогда де бывает в подданстве, и тем меня воевода ваш бранит, что пишет о подданстве. А что де пришел на государеву Киргизскую землю и государевых ясачных людей разгоняешь и разоряешь, какая де земля вашего государя ? земля де из веку наша... Или де: сойди с земли !... выживают де, так де из избы выживают собаку: вон де ! вон ! А я де пришел собою на свои земли и сойду собой". Красноярский посол тогда стал грозить войной. "Я де мириться рад", отвечал гордо Лауцзан, " и на бой готов, вы де люди, а мы де не женки, и вы де скажите, на котором месте быть бою". Со своей стороны и он грозил, что если ему не выдадут бежавших под Красный Яр тубинцев, то он сам пойдет их "сыскивать":

"И прежде де я приказывал так же, своих де я людей пойду сыскивать или де дорога лучится и мимо государев город, и либо государю хлеб вытопчу, или де сена потравлю, а не под государевы города пойду, и о том бы де на меня государь гнев не положил; кто де своих людей не сыскивает ?" Кольцов вернулся в Красноярск, не достигнув соглашения ни по одному пункту.[1]

С прибытием енисейской подмоги, ~~в руках~~ под командованием Скрябина имелось теперь войско в 440 челов., считая 150 подгородных татар, и он решился перейти в наступление. 15 июля он "сказал службу" гарнизону, подгородным татарам и тубинским князцам, укрывшимся под Красным Яром от Лауцзана, и "прося у бога милости, почал с людьми собираться в поле", но едва отошли от Красного Яра на "полднища", как пришла весть, что Лауцзан ушел в свою землю и уже перешел Саянский Камень. Приписав без излишней скромности его "бегство" своему выступлению в поход, воевода приказал "воротиться назад".[2]

Осенью 1663 г. Лауцзан, принявший громкий титул Саинхуньтайчжи, теснимый джунгарами, внезапно опять появился в пределах Киргизской земли, требуя дани и запросов, и захватил в полон киргизов и тубинцев с женами и с детьми, с лошадьми и скотом. Вся страна снова подверглась сильному разорению; князцы Шанда Сенчикенов, Итпола Медвечин и тубинский Арыпкай Тюленев со своими улусами бежали на Красный Яр, ища защиты у русских; другие разбежались в камень и в

---

1 Ст. № 513, л. 39, след.

2) Там-же, л. 19 след.

черные леса. Многие были побиты, а остальных Лауцзан "отогнал к себе" или роздал мугальским своим людям, в холопы с женами и деться и со всеми животы. Все кругом было разграблено, даже запасы саранн. Среди уцелевших от погрома туземцев свирепствовал голод, от которого померло больше 100 человек, словом, вся Киргизская и Тубинская земля запустела. Однако, перезимовав в Киргизской земле, Лауцзан летом 1664 года ушел снова за Саянский камень, побрав с собой всех киргизов и "верховских ясачных людей", за исключением только "старых и малых ребят".

Паника среди киргизов, вызванная нашествием Лауцзана не поддается описанию. Их челобитчики Байтур Ишеев и Куженкей Сегыков поехали в Москву, ходатайствовать, чтоб царь "велел Мугальскому Лоджану сойтить с их киргизской кочевой земли". Но как только весть об уходе Лауцзана достигла киргизов, откочевавших под Красноярск, они стали перебираться на свои старые кочевья; воевода удержал в качестве аманатов двух алтысарских и двух езерских князцов, после чего некоторое время их улусы платили ясак в Красноярск.[1]

Между тем, в степях Монголии росла новая и грозная сила - джунгарская держава, в борьбе с которой изнемогал носитель короны алтым - ханов. Теснимый со всех сторон врагами, Лауцзан теперь обращается за помощью к русским, сам просит о постройке в его владении крепости и обещает покорность. В 1665 г. в ответ на его ходатайство, из Томска снаряжают посланником сына

---

1 Доп.к А.И.т. 1У, № 132

боярского Ром.Старкова для личных переговоров с Лауцзаном на предмет постройки острога на устье Упсы. В октябре 1666 г. Лауцзана, против ~~которого~~ поднялась новая коалиция, в состав которой вошли его ближайшие родственники - его брат хутухта и Мергень тайша с отцом, - и желтые мунгалы, и он был вынужден снова покинуть свою землю и отойти в страну киргизов. Его посланник в Томске хлопо~~чет~~тал о военной помощи и о скорейшей постройке города. Русская администрация попыталась воспользоваться его тяжелым положением, чтобы понудить его выдать Ереняка, но Ереняк уже вступил в сношения с джунгарами.

В 1667 г. главенствовавший в Джунгарии Сенге тайша разбил на голову Лауцзана и взял его в плен. На территории Алтын - ханов на Кемчике он оставил двух тайш с пятитысячными джунгарским войском.[1]

Походы алтын -ханов на Киргизскую землю поставили на очередь вопрос о преграждении подступов с юга к Красноярску постройкой укрепленного острога к югу от него, предпочтительно в центре Киргизской степи с таким расчетом, чтобы он одновременно служил защитой для Красноярска со стороны монголов, а с другой - исходным пунктом покорения киргиз.

Уже в 1653 г. тубинцы, только что перенесшие ужас нашествия алтын - хана Эрдени и его сына Лауцзана, били челом "всеми улусы" о постройке на устье Упсы на урочище Тагыре острога, "а в нем ... быть служилым людям с огненным боем", "острожек тот станет на мугальских на калмыцких сакмах и на переходех"

---

1 ~~Ст. № 712~~ (II) П. Собр. Зак. т. I № 367.
Доп.к А.И. У № 24.

и ямачные люди "учнут жить на покое"[1].

В 1655 г. племянник алтын - хана Эрдени Мергень - тайша владелец улуса в 400 человек, теснимый дядею, вступил в переговоры с красноярским воеводою Мих.Скрябиным, прося принять его в русское подданство и разрешить ему с его улусом кочевать "по сю сторону Саянского камени", по край Киргизские иТубинские земли по Абакану и Енисею рекам": Вместе с тем он (тоже также) ходатайствовал о постройке на месте своего будущего кочевья, на устье Упсы или Тагира острога, благодаря чему ходить "мугальским людям под государевы города будет нельзя". Но в Москве еще боялись ссориться с алтын - ханами. Было предписано "того тайшу отговаривать всякими мерами, что то место, где он хочет кочевать, дальнее, и служилым людем хлеба водить далече и нельзя за дальним путем, а крестьян в пашню строить и привести нельзя ж, и он бы кочевал на старых своих кочевьях". Пока тянулись переговоры, Мергень - тайша был захвачен в плен Лауцзяном, и вопрос был исчерпан.

Тем не менее, мысль о постройке острога " на (не) Ужинском или на Абаканском или на Тагырском устье" для преграждения тех дорог, которыми алтын хан ходил на "государевы земли" - имело очень реальное значение, и набеги алтын - ханов в 1650 годах выдвинули ее на первый план.[2]

(Мы видели, что) В 1662 г. киргизские киштымы, страдавшие от набегов монголов, через своих представителей хлопотали в Москве о построй-

---

1 № 380, л.24,25.

2 Ст.№ 513, л.35 - 38, 66 67.

ке крепости на Упсе, и в 1663 г. томскому воеводе Ивану Бутурлину было поручено обследовать возможность такого предприятия[1]. В 1665 г. вопрос получил совершенно неожиданный оборот. Как мы видели сам Лауцзян под ударами своих врагов обратился в Москву с просьбой о постройке города в его владениях.

Поражение, которое Сенге-тайша нанес Лауцзану, изменило всю политическую ситуацию на верхнем Енисее. Ереняк и тубинский князь Талай немедленно поддались победителю и стали платить ему ясак с себя и со своих кыштымов. Ереняк послал и в Красноярск требовать ясака с качинцев, аринцев, с канских и со всех ясачных людей, грозясь в случае отказа "разорить" и острог и уезд. Когда к хайтоны прибыл для ясачного сбора толмач Ив.Красиков, его схватили тубинцы, хотели убить /"за что де вы для ясака в улусы приходите ? "/ и отвезли к Ереняку, который дал ему грозное поручение : " Я де великим государям вину свою принес, в Томский аманат и ясак послал, а на Красном де Яру скажи воеводе, чтоб де с качинцев и с аринцев и с канских и со всех землиц и улусов на Сенгу ясак велел дать, а будет де ясаку не велит воевода дать, и я де буду с калмыки и с киргизы и с тубинцы и с алтырцы под Красноярский острог и уезд с воинскими людьми войною"[2]. Агрессивные действия со стороны джунгар и киргизов тотчас отразились и на настроении подгородных татар, которые начинают " ссылаться с ними, калмыки, и сроки

---

1 Ст. № 802,л.190.

2 Ст. ПСЗ. I №367.

3. Ст. № 380,л.63 след.

кладут короткие",столковываясь о совместном наступлении, чтоб "вырубить Красноярской и Енисейский уезды и над острогами промышлять".[1]

Летом 1666 г. Ереняк во главе большого войска вторгся в Канскую землю, погромил откочевавших в русские владения тубинских князцов и, забрав их с женами и детьми, лошадьми и скотом, отослал в Киргизскую землю; затем он произвел набег на Удинский уезд и, обманув служилых людей, проник в острог, завладел пушечными запасами и хранившимся в нем имуществом ясачных людей. Трое служилых людей, оставленных при острожке были связаны и подвергнуты побоям, 10 человек ясачных было убито, 10 взято в плен с женами и детьми и с 300 лошадей угнали.Совершив молниеносный налет, Ереняк поспешно двинулся в обратный путь с полоном и с отогнанными конями вверх по за-Енисею". Посланная в погоню русская и татарская конница, под начальством сына боярского Степ. Коловского, атаманов Мих.Злобина и Род. Кольцова и новокрещена Ив.Айкана, долго ходила по степям и каменных хребтам и вернулась без всякого результата. Тогда послан был за киргизами "на перем" атаман Елисей Тюменцев со 100 пешими людьми на судах. Они догнали их на реке Иштюле, сбили их с кошу /стана/ и отбили пушечную казну, лошадей и трех подонянников ; киргизы с самим Ереняком во главе, "пометався на лошади без седел

---

[1] Доп. к А.И. У,№ 4 /1/.

бежали ~~ушли~~ в свою землю.[1]

В начале 1667 г. сам Сенга - тайша послал в Красноярск послов с требованием ясака с красноярских ясачных людей, угрожая в случае отказа итти войной на Енисейск и на Красноярск. В апреле стали доходить слухи о том, что он двинулся в поход. Из Краснярска полетели в Енисейск гонцы с просьбами о помощи. Прислали 20 человек, но и сам Енисейск находился под угрозой. Город спешно укрепляли; на границе с Красноярским уездом, на Казачьем лугу поставили острожек и артиллерию, на случай если джунгары ~~калмыки~~ попробуют двинуться на Енисейск. Красноярск тоже спешно укрепили; около большого острога выкопан был вновь "ров глубокий".[2]

В середине мая под Красноярск подступил Сенга - тайша с джунгарами ~~калмыками~~, киргизами и тубинцами и осадил его "по обе стороны" Енисея. Он выступал в качестве защитника интересов своих вассалов - киргиз. Осаждавшие "перекликали" с осажденными, требуя выдачи всех киргизов, находившихся в русских руках и освобождения аманатов. Киргизы, ссылались при этом на то, что по договору они аманатов дают в Томск, в Кузнецк аманатов дают только алатырцы, а в Красноярск - тубинцы ; „и нам де, киргизам, на два города аманатов давать невозможно, а буде тех де киргизских аманатов не отдадут, и им де, калмыкам, под Красноярским острогом стоять лето и зиму, а хлеб де себе в запас станут жать красноярские и енисейские пахоты."

Вылазка, произведенная из Красноярска на "калмыцкие таборы", была неудачна. Много русских, как служилых, так и охочих людей,

---

[1] Ст.№ 802; ст. № 380, л. 94.

[2] Д.к А.И.У. № 33.

было перебито, и атаман Род.Кольцов попал в плен.Калмыки и киргизы приступили к городу с большим ожесточением; на приступах и на вылазках было побито 125 человек из красноярского гарнизона, 43 человек добровольцев, 17м подгородных татар и 9 человек из вспомогательного отряда, присланного изЕнисейска, всего 194 челов.; много народу было переранено. Города взять (неприятелю) не удалось, но села и деревни были выжжены, кони и рогатый скот отогнаны, много забрано людей в плен, в руках неприятеля осталось и много оружия - пищалей и мушкетов.[1]

Одновременно сын Еренячка Шапчко и тубинский князец Шанцычка Сенсичеева совместно с восставшими ясачными людьми Курчинской и Ягильской волостей разоряли Томский уезд, людей побивали и лошадей и коров и всякую животину отгоняли и дворя и во дворах людей и на полях жито и в скирдах хлеб жгли. Они уже были в трех днях пути от Томска когда на них напали высланный против них из Томска отряд с служилых людей под начальством сына боярского Романа Старкова. Киргизы разбежались "в черные леса и болота". Отрубленная голова Шанцычка, насаженная на копье, как кровавый трофей победы, была отвезена в Томск.[1/] Однако, победа была далеко не так решительна, как преставляли дело официальные реляции. 22-го сентября в Томске было получено известие о том, что кыргызы "собравшись с ясачными людьми", опять сожгли Ачинский острог, пять человек из гарнизона были убиты, остальные разбежались.[2/]
В сентябре Еренак повторил набег на Красноярский уезд и обложил острог

---

[1] Ст. № 802,л.84 - 86,90.

I/ Доп.к А.И.т.УШ № I5 /XIУ/; Пам.Сиб.Истории XУШ в.,т.I № I. И.П.Кузнецов-Красноярский, Исторические Акты XУП

В результате нашествия Сенга все "верховые землицы" отложились и признали его власть. Киргизы и тубинцы партиями человек в 100 стали ездить в Камасинскую и Канскую землицы и под Удинский острог за ясаком для Сенге, чинили всякие насилия над ясачным населением и перехватывали русских ясачных сборщиков.

Гибель Сенга - тайши в 1671 г. не изменила положения к лучшему. Власть оказалась в руках его брата энергичного и умного Галдана, принявшего титул Гегена - хунтайчжи и удостоенного от Далай - ламы званием "благословенного" /Бошохту - хана/. Ереняк немедленно признал себя его вассалом и с тех пор служил ему верою и правдою. Как только Галдан установил ~~в 1671 году~~ свою власть - Ереняк и Талай, стоявшие во главе киргизо - тубинского ~~коалиции~~ объединения, поехали к нему; они вернулись не одни, с ними ~~ехал~~ привыкл представитель Галдана "язан Тинегей -

киргиз".

В октябре 1671 г. Ереняк через посланного к нему для подлинного "договора" сына боярского Ив.Айкана, крещеного киргиза, передал воеводе Л.л.Сумарокову ультиматум : "буде де красноярские подгородные ясачные татаровья - качинцы и аринцы - дадут ясак Кегеню - кутухте /Галдану / ... и у них де с красноярскими служилыми людьми мир будет, а будет де красноярские подгородные татаровья ясаку тайше их кутухте не дадут, и у них де с красноярскими служилыми людьми впредь война будет". Одновременно и ясачным сборщикам, посланным к киргизским киштымам и к тубинцам, князцы Ереняк и Талай заявили, что ясак будет уплочен только при условии, если красноярские ясачные люди станут со своей стороны платить ясак кутухте. Вместе с тем начались побеги из ясачных волостей в киргизы и в Тубу, и Сумароков писал в Томск : "И будет де государева указу не будет, что над киргизы и над тубинцы поиск томскими и енисейскими и красноярскими людьми чинить, и из Красноярского де государевы ясачные люди от Еренякова и Талаева воровства все от ясаку отойдут".

Тревожные известия из Красноярска всполошили Москву. Был составлен и представлен царю обширный и очень обстоятельный доклад о киргизской опасности с историческими справками и с выдержками из отписок томских, красноярских и кузнецких воевод. На основании этого материала 25 сентября 1673 года состоялся царский указ "изменников киргиз и тубинцев и алтырцев и моторцев и товарищей их, которые с ними в измене, за их многое воровство и измены смирити томскими, кузнецкими, красноярскими, енисейскими всяких чинов русскими служилыми

людьми и татары", о чем 15 октября и была послана грамота в Красноярск. Решив войну с киргизами, правительство, однако, совершенно определенно уклонялось от войны с монголами, с которыми предписывалось "войны не вчинати и никаких задоров отнюдь не чинити". 21 мая 1674г. указ о войне с киргизами был подтвержден вторично.

Пока в Москве обсуждали план кампании, киргизы сами перешли в наступление. В сентябре 1673г. они вторглись под начальством князца Шанды Сенинченева в Енисейский уезд, дошли до Бельского острога, многие деревни сожгли и убили человек 30 русских людей. Из Енисейского уезда Шанда повернул в Томский уезд. 11 октября он приступил к Ачинскому острогу, требуя от гарнизона выдачи пушек и пушечных снарядов, и, когда переговоры не привели к желательным результатам, поджег острог; служилые люди едва выбежали " в другой конец из острога", но успели выволочь артиллерию, которую закопали в землю на лугу, после чего бежали в Мелесский уезд. Не доходя Томска, киргизы сожгли две деревни с людьми и отогнали скот. Одновременно на Кузнецкий уезд произвел нападение сам Ереняк, пожег деревни и побил казаков.1/

В связи с этими событиями заволновались ясачные люди Красноярского уезда. В 1674 году восстание охватило все верхне-енисейские волости. Ясачных сборщиков прибывших за ясаком в Яринскую и Бохтинскую волости "отвели в черные леса, ограбив и, до нага, покинули", а толмача Сеньку Ковригина убили, после чего ясачные люди "со всеми улусы пошли в Киргизскую землю".

---

1. Дон. к А.И., т. VI, № 93

[См. обор.]

Посланный в Байкотовский улус Матвей Ближневский с толмачем был захвачен тубинцами в плен. Из Камасинской и Канской земель жители бежали в Тубу, в Бойкотовский улус и к киргизам. Тубинский князь Талай перестал переменять амантов. Его люди "таем" ездили в Камасинскую и Канскую землицы собирали с жителей ясак и силою брали их в свою землю, так что "с тех землиц с Канской и Камасинской ясачных людей треть вышло в Тубинскую землю".

Под влиянием всех этих событий красноярский сотник Алексей Сумароков снова и на этот раз энергично выдвинул вопрос о постройке

острожка в Тубинской земле, на Енисее промеж Упсы и Ои рек, на пункте, защищенном с одной стороны Енисеем, а с другой Упсою. Соответствующее предложение было направлено в Тобольск, где кн.И.Б.Репнин допросил знавших намеченное место красноярских казаков. Показания были сдержанные. Признавая все выгоды намеченного пункта, все оговаривались, что воинским людям "обойти тот острожек к Красноярскому и безвестные легко, потому, что в том месте степь", и что вообще "до посылки государевых ратных людей и, не умиря киргиз, на том месте острожку ставить не мочно, для того, что в Красноярском жить бедет опасно."

Тем не менее, в связи с решением начать войну с киргизами, из Москвы было предписано "вТубинской земле, разыскав место, острог поставить, и быть в том остроге с переменою служилым людям."

В сентябре 1675 г. была, наконец, сделана попытка осуществить давнишнюю мысль о постройке близ устья Абакана острога.

Местом для постройки был выбран остров Карагас /Сосновый/, на верхнем течении Енисея, несколько ниже Абаканского устья,"а тот де остров среди Енисея реки, с нижнюю сторону вода поимает, а повыше того водопойменные места, а на том же острову р гора лесная". Итак, в стратегическом отношении место было чрезвычайно подходящее. И в начале сентября, на этот остров пришли красноярские служилые люди, лес "роняли" и на горе "строг ставили и крепости учинили". Ереняк, однако, сделал энергичную попытку помешать

постройке и напал с значительными силами на новый острог. Киргизы ~~пробовали~~ пытались взять ~~его~~ острог крепость штурмом, "по два пойма" приступали к нему "за щитами" и ~~пытались~~ пробовали поджечь его, но осажденные, выйдя из острога тайником, пустили пожар на степь и тем пожаром прогнали киргизских людей от острога и ~~пожгли~~ у них лошадей. На бою пало 7 киргизов и из русских людей киргизы взяли в плен трех, из которых двух убили.[1]

Вследствие упорного сопротивления, оказанного киргизами, от острога, поставленного близ устья Абакана, пришлось, однако, отказаться - постройка эта была осуществлена только через 40 лет, когда, не выдержав непрерывного натиска русских ратных людей, киргизы отступили на юг. Зато при Ал.Сумарокове был построен между Красноярском и устьем Абакана военный пост, сыгравший значительную роль в дальнейшей борьбе с Киргизской степью - Караульный острог. В нем был оставлен гарнизон в 40 человек годовальщиков, т.е. служилых людей, сменявшихся ежегодно. Ереняк сделал отчаянную попытку помешать русским утвердиться и здесь. Он подходил к новому Караульному острогу "во многих стах" и осаждал его в течение трех дней, но пятидесятник Ос.Сем.Мезенин с служилыми людьми отсиделся в остроге и "отстоял"его.[2] При Алексее же Сумарокове поставлен был небольшой Ломовский острог, который преграждал так наз. Ломовскую дорогу; острог этот, получивший свое название от "лома",т.е. лесного завала, стоял на берегу р.Кемчика, скрытый в "черном лесе" и представлял собой"караул тайный",

---

[1] Доп.к А.Ист.т.УП,№ 72

[2] Ст.№ 1317,л.281,№ 712,л.87

т.е. заволок

защищенный лесным "ломом". Неизвестно, когда был поставлен другой "тайный караул" "в чернолесье" в верховьях Бугача, который отмечен на карте Ремезова.[1]

// Осенью 1677 г. Ереняк прислал в Красноярск своего старшего брата Айкана Юрукту и тубинского князца Бугачи Коянова от всей Киргизо - тубинской ~~федерации~~ племенного объединения с предложением мира. Загряжский поторопился послать целую делегацию из служилых людей и татар, возглавляемую атаманом Род. Кольцовым, которая и заключила мир с Ереняком и его союзниками ~~на речке~~ Тоочаке в 1678 г. Лучшие князцы алтысарские, езерские и тубинские по 2 человека от каждого рода, шертовали от имени своих улусов по шертовальной записи, текст которой был пред"явлен русской делегацией. В том "письме", в котором князец Ереняк изложил свои обязательства по отношению к Москве, они были формулированы совершенно иначе, чем того хотели русские. В своем "письме" Ереняк, во- первых, слагал с себя всякую ответственность за войну: "Из великих царств великий белый царь миродержавный !" писал он, "на Тоочаке отец мой великим государям добил челом, а я де Ереняк, после отца своего шерти не рушил и сибирским семи городам никакого дурна не делывал, я де князь Ереняк брата своего большого Айкана Юрукту посылал на Красный Яр великим государям бить челом к воеводе к Дан. Григ. Загряжскому бить челом, а атамана Род. Кольцова, чтоб великие государи пожаловали прислать с ним шерть и вел. государи пожаловали с Родионом

---

1 книгу

шерть, и я, Ереняк, со всеми улусными людьми на своих правдах шерть пил чистым сердцем".

Обе стороны одинаково обязуются соблюдать условия мирного договора: " а буде вы на своих правдах не устроите", писал Ереняк Загряжскому, " буди грех на воеводе и на Родионе, а буде я, Ереняк, на своей правде не устою,и буди тот грех на мне, Ереняке, и на всех улусных людях".

По существу
В основе, Ереняк предлагал союз московскому государю, соглашаясь в лучшем случае стать на положение его вассала : - "что им, киргизам, служить вел.государям и прямить и всякого добра хотеть" - "весть посылать" о приходе воинских людей, самим не ходить под государвские города и государьских людей не побивать и не грабить". "А куда великие государи изволят своих государьских ратных людей послать с войною, и им, киргизам, с государьскими ратными людьми в помочь ходить же." Эти условия изложены в письме Ереняка так: " А буде пойдут какие воинские люди, и нам весть подавать; а буде на нас пойдут какие вести, и нам весть подавать". Другим пунктом договора было обоюдное обязательство с обоих сторон о выдаче беглых."А которые государьские ясачные люди камасинские живут на их Киргизской и в Тубинской землях в бегах и их выслать в свои урочища в Кан и в Камасины и их не укрывать же, а которые новокрещены и беглые люди живут у них и им тех новокрещеных отдать на Красный Яр". "Да он же Ереняк", докладывал Род.Кольцов в Красноярске, "со мною в договоре договорился, как де наши киргизские и тубинские ездили воровски под Красноярский остроп и в уезды в Красноярской

и в Енисейской и сколько какого скота воровски отогнали после войны, и тот де скот весь лицом отдать по росписи какову пришлют с Красного Яру, а которые их киргизских улусных людкй и беглые их холопы живут на Красном Яру и великие-б государи их пожаловали велели их улусных людей к ним отпустить и холопей их отдать". "А которые государевы ясачные люди есть в киргизах", писал Ереняк "и мне тех людей высылать на свои их киштымские урочища, а которые де у вас наши люди на Красном Яру киргизские - и тех высылать, а беглых холопей отдавать". Но в своем письме Ереняк умолчал совершенно об ясаке. Род.Кольцов утверждал, что киргизские князцы обещались платить ясак с тех киштымов, "которые их киргизские киштымы в прежних годах вел.государям ясаку не плачивали", и "от ясаку их не укрывать,"но письменного подтверждения этому соглашению не было дано.Точно также ни слова не было сказано и об остроге, посройки которого домогались русские, хотя, по словам Кольцова , он с Ереняком об острожной ставке договорился, "где-б острог поставить вверх по Енисею реке на Кое или на Ое". И Ереняк ему будто бы сказал," в тех де местах пристойно острог поставить по указу вел.государей, потому что около тех мест кочуют красноярские ясачные люди".

Надо признать договор 1678 г. крупной дипломатической победой киргизского князька. Ему удалось, благодаря военной поддержке джунгар, добиться осуществления тех условий, на которых настаивали его отец и дядя еще в 1627 г. - признания союзнических отношений, вместо ясачных. Но и этот мир, столь

невыгодный для русских, был куплен Загряжским ценою большого унижения. Ереняк, прежде чем приступить к переговорам, потребовал освобождения тубинских князцов Бучая и Точака Кояновых и Бузова Карина, которые при Сумарокове были захвачены в Канской земле при сборе ими ясака и задержаны в Красноярске в аманатах, и грозился порвать переговоры и задержать русскую делегацию, если его требование не будет исполнено. Такое же требование было заявлено и со стороны тубинских князцов : "а буде его, Точака, с товарищи из Красноярского острогу не выпустят, и кои с ними взяты, и тех коней не отдадут, и в том де меж нами быть ссоре". Под давлением русских служилых людей, Загряжский вынужден был согласиться, "чтобы тех пойманных тубинских князцов по договору отпустить в Тубу для того, чтоб меж городом и иноземцами впредь ссоры не было". Это была полная капитуляция красноярской администрации, напуганной успехами воинственного киргизского князька.[1]

В Москве хорошо разобрались в существе договора Загряжского с Ереняком и увидели в нем признаки „diminutio maiestatis" для московского двора. "А что в Красноярском воевода Данило Загряжский", писали в Москвы в Томск, "принял письмо киргизского князца Ереняка Ишеева, а в том письме написался он, Ереняк, целым именем, а в Томской прислал он , Данило, с того письма список, а про государев ясак, что им киргизам самим платить и с киштымов своих давать и новой острог в их Киргизской земле поставить не написано,

1) Ср. № 712.

а в отписке его, Данилова, и в доезде про государев ясак, что им киргизам и киштымам их платить написано, и с аманатского двора взятых тубинских князьцов без указу вел.государя и, не отписався в Томский, из Красноярского отдал, о том послана вел. государю грамота к нему, Даниле, с осудом". 1)

Мир, заключенный ~~на Тоозаке~~ в 1678г., не оказался прочным, несмотря на миролюбивое настроение Галдана - контайши, который, занятый сложной политической игрой в Монголии и находясь под постоянной угрозой со стороны Китая, был заинтересован в сохранении добрососедских отношений с русскими. Киргизы мало считались с повторными декларациями Галдана о желании, "чтоб де государевы служилые и ясачные люди жили в миру и в совете с его Галдановскими людьми", 2) и торопились использовать в своих целях выгоды положения, создавшегося для них с момента вступления в состав джунгарской державы.

В 1679 г. в течение одного лета Ереняк с киргизами и тубинцами дважды приходил войною под Красноярск. 15 июня он "бесовестно изгоном" появились в русских владениях, побили служилых людей на от"езжих караулах, побрали в плен подгородных татар с женами и с детьми, выжгли две деревни под городом, побили в них служилых людей и пашенных крестьян и жен и детей их " в полон поимали", и не взяв острога, ушли во свояси, гоня перед собой отогнанный у татар и русских скот и полонянников.

~~В сентябре Ереняк повторил набег и обложил Красноярск~~

---

1 Сиб. № 712, л. 84, 87.

2) Сб.Хилкова № 99, Ст.№ 886, л.388.

В сентябре Ереняк повторил набег и обложил Красноярск

"по обе стороны Енисея". Окрестности он подверг жесточайшему опустошению: села и деревни и хлеб и сено пожег, а достальной хлеб на полях потоптал, многих людей на пашнях побил и в плен поймал и всякую животину отогнал. Всего сожжено было 16 деревень, а в них 143 двора. Киргизы пытались штурмом "за щитами" овладеть укрепленными селениями Красноярского уезда; на приступах было убито и ранено несколько служилых людей. 14 сентября Ереняк пошел приступом на самый Красноярск. Сражение продолжалось целый день. Безвыходность положения ожесточила гарнизон, среди которого уже ощущался голод.

Служилые люди взяли с аманатского двора тубинских аманатов и "выведши перед киргиз... и перед тубинцев с товарищи, тех аманатов и их кашеваров, 7 человек, перед ними повесили и расстреляли". Гарнизон решился и на другую незаконную меру для спасения города. За малолюдством и "для стройства" / для организации/ войска взяли из тюрьмы ссыльного полковника Вас.Многогрешного, сына знаменитого гетмана и передали ему командование. Под его начальством, красноярцы ходили на вылазку "строем и учредя полк", на неприятеля, причем "строил и урекал полк он, Многогрешный На вылазке под городом многих киргизских людей побили; самого Ереняка с коня сбили и копье у него отняли, а "ухватить" его в плен не успели за малолюдством. Отбив киргиз из под города, ходили с пушками и со всяким огненным боем за ними в степь, и благодаря артилерии, которой руководил тот же Многогрешный, заставили их отступить от Красного Яра. I/

I. Ст. № 1317, л. 368. Доп. к А.И. VII N15 (XXVII); N44 (XII)
N44 (XII)

Набег 1679 г. вызвал военные репрессии со стороны русских. Во исполнение состоявшегося еще в 1673 - 1674 года постановления, из Томска была организована карательная экспедиция в К Киргизские земли, под начальством детей боярских Романа Ив. Стариова и Ив. Манойлова Гречанинова. Они выступили в поход 11 января 1680 г. во главе рати, в состав которой, кроме томских и кузнецких служилых людей, чатских мурз, томских татар и вызжих белых калмыков, входили отставные служилые люди, казачьи дети, посадские люди и пашенные крестьяне, всего 1018 чел. при двух пушках. Они должны были сойтись с енисейскими и красноярскими служилыми людьми "по край киргизской земли на Белом озере, внизу речки Сереси, на устье речки Тереклы - Юл" До Киргизской земли они шли 3 недели и 2 дня "черными лесами и ломами". Путь был тяжел : во многих местах снеги погребали, а пешие казаки и казачьи дети многие шли на одном коне по 2 и по 3 чел., а иные пеши с нартами с великою нужею". 8-го февраля Ив.Гречанинов пришел с частью рати на Белое озеро; а Роман с остальным войском, с обозом и артиллерией остался назади.Расчитывали застигнуть неприятеля врасплох. От пленников, однако, узнали, что к Ереняку была уже весть, про красноярских служилых людей,"наряжаются де они с Красного Яру итти войной на Киргиз вверх по Енисею реке, а про томских ратных людей в Киргизской земле вести нет, а коли бы весть была, и мы бы на своих житьях не были". Те же"языки" сообщали, что красноярских ратных людей на речке Тереклы - Юле еще нет, а киргизские князцы Ереняк и товариши кочуют на устье двух Июсов от Божьего озера в полуднице. Ратные люди стали

настаивать на том, чтоб изгоном итти по Ереняке, так как не было смысла итти по наказу на Терекле-Юл дожидаться красноярцев, про которых "языки сказывают, что вести нет". "Наспех" пошли вперед: "бежали 1-1/2 дня да ночь и прибежали на усть Июсов", но неприятелей уже не застали на кочевье; по приметам и по "сакме" они ушли до того дней за 5 или 6 ; но от "языка" узнали, что Ереняк кочует в ближних местах в полуднище. Оставив в обозе томского сына боярского Федора Полозова с пехотой и пушками, двинулись налегке и шли до Ереняковых юрт день, но он уже ушел и с этого места, "услыша весть про красноярских служилых людей, что идут де Енисеем вверх войной в киргизы".Гнаться за ними было поздно, "пристигла ночь", а обоз остался позади. Старков и Гречанинов, подумав со всеми ратными людьми, воротились назад к обозу, чтоб над ним чего не учинили киргизы. Так как лошади под конницей и в обозе у пехоты и под пушками "пристали и распрелись от скорой езды", то пришлось день простоять на месте. Лазутчики принесли известие, что красноярские служилые люди вошли в Киргизскую землю, но на которое урочище и на который улус, того они проведать не могли. 4 февраля показались киргизы, человек 200 и больше, но бою не дали и разбежались по горам и щелям, когда Старков и Гречанинов вышли с ратными людьми из обоза.После этого пошли к Июсу для соединения с красноярскими служилыми людьми. 5 и 7-го февраля имело место сражение с главными киргизскими силами. Бились "стройством с пехотою и с пушками", т.е. регулярным строем; неприятелей"в поля сбили" ; из русских не было убито ни одного человека,

а киргиз из пушек побили и переранили многих, и "топтали их .. день до вечера". 8 февраля, не дождавшись красноярцев, от Июса пошли вперед и поутру опять встретились с киргизскими и тубинскими воинскими людьми и снова обратили их в бегство. Тогда из киргизского полка выехало пять человек и стали кликать, чтоб послали людей добрых, с кем бы переговорить о мире, а со своей стороны Ереняк вышлет брата своего Мунзачку. Старков и Гречанинов стали сговариваться с ратными людьми, "что ехать ли с киргизскими людьми на с"езд ? Ратные люди пообсудив, сказали "для чего де не ехать для переговору ?" Для переговоров поехал Ив.Гречанинов с толмачами и с двумя чатскими мурзами, а Старков стал с людьми и с артиллерией "ополчением", и Ереняк со своими людьми тоже стал полком. Из киргизского полка выехал брат Ереняка Мунзачка и иные князцы, всего 7 человек. Мунзачко сказал Гречанинову, "слышали де мы давно божий гнев и великого государя опалу на нас, киргизских людей; идет де война из Томского большим собранием, и ныне де мы киргизские князцы его царского величества ратным людям противны быть не хочем, а киргизские князцы Еренячко с товарищи велели бити челом великому государю ...., великий государь пожаловал бы их, Еренячка и иных князцов, со всеми их улусными людьми, велел принять под свою великого государя ... высокую руку в вечное холопство и к шерти привесть по прежнему, как в прежних годех шертовали отцы их, киргизские князцы, при воеводе при Ив.Кобыльском". Гречанинов напомнил киргизским парламентерам все их "вины" их соплеменников.Музанчко в ответ повторял о готовности киргизских князцов шертовать, выдать

аманатов, вернуть ачинские пушки и красноярских полоненников и дать ясак со своих киштымов. На этом парламентеры раз"ехались После того Музанчко вновь выезжал и кликал, чтоб киргизских князцов принять и привести к шерти. Но Стародов и Гречанинов, подумав с ратными людьми, решили не задерживаться, из опасения, как бы киргизы их "шертью не одержали и над красноярскими людьми какого дурна и разорения не учинили" и, не приняв киргизских князцов, снялись с места и пошли обозами на Б. Июс, где сошлись с красноярскими и енисейскими служилыми людьми.

Красноярский отряд состоял из 472 человек служилых людей, вольницы, ясачных татар и отставных служилых людей под командой сына боярина Мих. Ярлыкова; енисейский из 108 человек, под командой приказного человека Козьмы Девятовского. Оказалось что выйдя с Красного Яру 18 января они пошли, в нарушение предписания "не против томской отписки", Енисеем, а не на речку Тереклы-Юл, где им велено было сходиться с главным корпусом. На пути они были вынуждены дать бой киргизам и их союзникам на степи, на речке Тачне и на Июсе, и бились с ними три дня, днем и ночью, многих киргизских людей побили, "а счесть тел их не было нельзя за великим боем и за многими помычками"; кроме того, "подкарауля" киргизских киштымов, шедших к ним на помощь, они побили их на голову, жен их и детей забрали в плен, и отбили русские погромные животы и лошадей, отогнанных из под Красноярска. Впоследствии Ярлыков хвалился, что красноярцы "сошлись с изменниками с киргизами прежь томских служилых людей".

В лице красноярского полчения к рати присоединялась буйные и мало дисциплинированные элементы, с которыми томскому командованию было много хлопот. 9 февраля в полк трижды приезжал, в качестве посредника джунгар Барчикай; с ним и порознь, без него приезжали в лагерь киргизских князцов дети и улусные люди, человек с 200. Барчикай подтверждал прежние обещания Ереняка и прочих киргизских и тубинских князцов. Старков и Гречанинов отвечали ему, "дай де нам сроку до утра, подумаем де со всеми ратными людьми, и поутру де вам и ответ учиним". Барчикая отпустили из табора с честью, а из киргиз многие остались в таборах; в виду перемирья они ходили в полках без оружия. Красноярцы одного киргизского мужика убили у себя в полку. При этом известии Ереняк со всеми киргизами отошел прочь от русского стана. На следующий день ратные люди пошли за ним в погоню. Тогда киргизы возобновили переговоры о мире. Ереняк, братья его Ебалак и Мунзачко с товарищи выехали "меж полками" к шерти; с русской стороны выехали Старков и Гречанинов со свитой из 23 человек и представителями от красноярского, кузнецкого и енисейского ополчений. Князцы, сойдя с лошадей, сняли малахаи и Ереняк, поклонясь, спросил, по обычаю, "про многолетнее здравие великого государя", на что Старков и Гречанинов дали надлежащий ответ. Тут произошел неожиданный эпизод, положивший конец ~~столь удачно~~ было начатым переговорам. Ереняк выговорил про томского воеводу князя Петра Лукьяновича Львова "невежливое слово" и про всех русских людей. Русские прервали дальнейшие переговоры и уехали к себе в полк.

На следующий день опять явился в русском стане посредник Барчикай и извинился от имени Ереняка и других князцов за "невежливое слово" и просил о заключении мира " по прежнему договору". Опять выехали Ереняк и Ебалак с товарищи и навстречу им командиры русской рати. Ереняк извинился за вчерашнюю выходку, слез с лошади и, сняв малахай, выразил снова готовность заключить вечный мир. Затем и он и восемь князцов, представлявших собой Алтырский, Езерский и Исарский улусы и Тубинскую землю, шертовали на том, что впредь "им никаким воровством не воровать и под государевы города и остроги войной не приходить и ясачных людей ни в чем не обидить и не грабить и на калмыцких тайш и на себя прех государева ясаку амману у них не имать". Ереняк был согласен на оборонительно-наступательный союз против всех неприятелей, исключая только своего сюзерена Галдана - тайши. Затем условились относительно возвращения ясачных людей, забранных киргизами, и пушек, захваченных в Ачинском остроге и о выдаче аманатов. Однако,очень скоро выяснилось, что киргизы вовсе не думали подчиниться безусловно. Аманата прислали плохого; пушки выдали, но лошадей чтоб их вести не дали. Поэтому 12 февраля из русского стана к ним послали настаивать на немедленной уплате ясака и выдаче "добрых аманатов" и пушек. Ереняк отказался переменить аманата, для ясака предложил оставить в волости несколько служилых людей, и, не дожидаясь результатов переговоров, спешно отступил. Русские преследовали его семь дней до Уйбата, где и стали станом. Ночью произошла ложная тревога;"кони

в таборе, неведомо отчего взыграли и обоз разбили и выбежали из табора в степь". Ночь была темная и в темноте нельзя было понять, что случилось; "красноярские ратные люди из своих табор стали стрелять, и томские ратные люди почали потомуж стрелять, чаяли, что киргизские люди напустили". Стрельба испугала лошадей, и они ускакали вверх по Уйбату: ушло их 207. За ними погнались ратные люди, человек 50; но киргизы "собрались большим собранием", отбили лошадей, а ратных людей осадили. На выручку своим подоспели главные силы русских. Бились "большим боем" и выручили товарищей из осады". Русские потеряли 16 человек и пятерых служилых туземцев /- потеря значительная по тогдашнему времени.

Через день русские хотели возобновить бой, но киргизы стали "кликать", снова предлагая мир на прежних условиях. 15 февраля они выдали аманатов и обещали вернуть лошадей. Между тем пребывание рати среди киргизской степи принимало катастрофический характер: ратные люди оголодали и оцынжали, лошади попристали, не считая того, что часть их была отогнана. Неудачи способствовали разложению армии. Подождав полтора дня служилые люди пришли к начальникам и говорили, "чтоб им не стоять для коней". Красноярские и енисейские служилые люди самовольно ушли в Енисейск и на Красный Яр. Сын боярский Мих. Садовский тщетно пробывал их удержать, "пойдем де мы вместе с томскими ратными людьми, и ночуем, и переговорим, куда лучше будет итти", но его за это хотели убить; особенно горячо стоял за возвращение бывший при красноярском ополчении поп Яков, который бросался на Садовского с ножом. Главная часть армии под начальством Старкова и Гречанинова отошла к Уйбату.

Киргизы вослед послали им 28 "отгонных лошадей", а остальных обещали доставить в Томск весною, когда они оправятся; про пушки больше уже не упоминали и вообще " по договору и по шерти ничего не отдавали". Но дольше в Киргизской земле "жить было не с чем"; киргизы выжгли кругом степь, ратные люди оголодали, оцынжали, запасы все вышли, пуд муки покупали за 8 гривен. О продолжении похода в Тубинскую землю не могло быть и речи"за дальним путем и за лошадиной скудостью". В обратный путь двинулись 23 февраля, волоклись с великой нужею, "а иные дорогою идучи, с голоду и померли". 14 марта армия в самом плачевном состоянии вернулась в Томск.[1]

Итак, поход Романа Старцова кончился ничем. Уже в 1682 г. поэтому предпринят был новый поход, и из Тобольска в Томск был послан письменный голова Ив.Суворов, с войском из 420 тобольских и 210 татарских служилых людей.Он должен был временно быть в товарищах томского воеводы кн.Ив.Кольцова - Мосальского и сидеть с ним в С"езжей избе и в удобное время, соединясь с томскими, кузнецкими, енисейскими и красноярскими служилыми людьми, выступить в поход на киргиз.[2]

В июне 1682 г. Суворов двинулся в поход, но результаты были еще плачевнее, чем в предыдущем году. Ереняк напал на его стан,и ему пришлось отсиживаться в таборе. Очень скоро он убедился, "что с киргизы биться не в мочь",и русские пошли"отходом" в

---

1 Ст.№ 715-716.
2 ст. №292, л.127, 130
3 № 715 - 716,л.69.

√+ Неудача привела к взаимным обвинениям участников. Старков и Гречанинов складывали вину на красноярцев, которые нарушили предписанный стратегический план и не пришли на Тереклы-Юл. „А как-бы," писали они, „красноярские служилые люди, по указу великого государя и по томской отписке, сошлись с томскими служилыми людьми вниз Божьего озера на речке Тереклы-Юл и делу-бы великого государя и промысл чинить над воровскими киргизскими людьми без всякого мешканья и без опасенья, и от красноярских служилых людей делу великого государя учинилось мешканья больше." С своей стороны красноярские служили люди „всем городом" составили заручную челобитную, обвиняя Старкова, Гречанинова и всех томских служилых людей „в изменном деле."

По окончании похода Гречанинов был послан к Ереняку для того, чтоб побудить его выполнить условия предварительного ~~требования~~ договора. Ереняк отдал ему две пушки и одну женщину, взятую в плен под Красноярском. Ясаку он выплатил только „против 23-х соболей" и за остальными предложил прислать осенью. Наконец, установлена была точная граница между владениями московских царей и киргизами, каковой была признана река Июс, „а русским де было в их землю за Июс войною не ходить, и им-де под государевы городы и острога также за Июс не ходить." Принцип суверенной равноправности киргизского князя и московского государя, против чего так протестовали в Москве, был, таким образом, вновь подтвержден. 2)

Томск. Потери, понесенные в этом походе, были очень велики: русских и служилых татар было убито 61 человек и ранено 62; иначе говоря, из 630 чел. выбыло из строя 123 чел., почти пятая часть, знамя и несколько панцырей остались в руках победителей: сам Суворов был ранен. 1/

Неудача Суворова вызвала официальное расследование его действий. По предписанию из Москвы, в 1683г. в Томск был послан из Тобольска сын боярский Федор Шульгин с предписанием "сыскать накрепко", почему он нарушил инструкцию и "ходил летом, а не зимою, мимо указу, и не собрався всех городов с ратными людьми". Вместе с тем Шульгин должен был выяснить и степень виновности енисейского и красноярского воевод, не пославших " на урочное место ратных людей" и "про все их споры разыскать на крепко". В своей неудаче Суворов винил опять красноярцев и енисейцев, которые с ним " на урочном месте не сошлись". 2/

В конечном итоге двухлетняя кампания закончилась с полным успехом для киргиз. Ив. Гречаников, посланный для переговоров с Еренем, должен был согласиться на установление определенной границы между владениями обеих воюющих сторон, иначе говоря отказаться от притязаний на Киргизскую землю. Границей была признана река Июс, "а русским де было в их землю за Июс войною не ходить, и им-де под государевы города и остроги так же за Июс не ходить". 3/

---

1. Пам. Сиб. Ист. I, № I; ст. № 252, л. 154
2. Ст. № 292, л. 154 -161; Д. к А.И., т. X № 80 /П/
3. Ст. № 292, лл 127, 130

Походы 1680 и 1682 годов наглядно показали все трудности, с которыми был сопряжен план разгромить киргиз в их собственной земле. Но правительство не сразу отказалось от этого плана, только решилось действовать осмотрительнее. В начале 1683 г. в Москве, в Сибирском приказе были допрошены томские служилые люди " о походе на киргиз". Свои предположения о том, "коими месты и в кое врем...разным людям войной ходить и как хлебные запасы проводить", они изложили в письменной "росписи" Роспись эта была в 1684г. прислана в Енисейск

с секретным предписанием проверить собранные в Москве данные, "пристойно ли против той росписи такому промыслу быть или иной способ на таковое дело они знают". Допрос служилых людей, бывавших на Верхнем Енисее, показал, что "в той де росписи о том на киргиз походе написано дельно". Такой же благоприятный отзыв получен был при допросе служилых людей в Красноярске и в Кузнецке. Вместе с тем, допрошенные служилые люди сообщили подробные маршруты в Киргизскую землю и указали в полном согласии с "росписью" на удобное, для постройки острога место - остров Тагыр на Енисее, выше устья Абакана, представляющий собою природную крепость: "а того де острова по смете в длину верст с 5 ...., а тот де остров на среди Енисея реки, а с одного - де конца на том острову залег камень, подобен городовой стене .... а того - де места откуда приход в тот камень поперег острова ... по смете сажен с 5, и то-ж место к поставлению острога ... будет крепко". 1)

Несмотря на все эти приготовления, план похода остался на бумаге, и только в начале 90 -х годов русские переходят к более энергичному наступлению на степь [1].

Однако, все запрошенные эксперты единогласно отмечали, что в острожке придется держать очень большой гарнизон /человек в 200/. Самая мысль о походе на киргиз была встречена с обычным сочувствием сибирским служилым людом. План и маршрут кампании был намечен спрашиваемыми. Наиболее подходящим временем для похода признавалась зима. "А о походе киргиз ратным людям", говорили красноярцы, "достойно быть зимним путем с

1) Ст. № 715.

Офонасьева дня /14/27 ноября/ для того, что киргизам со своей землицы в калмаки и в иные землицы за большими снеги и за Саянский камень уйти нельзя".

Несмотря на все эти приготовления, поход не состоялся. Может быть тут сыграла роль отправка Ереняком посланцев в Москву. В Москве по этому случаю решено было переменить тактику в отношении киргиз и обнадежить их "великих государей милостью, всякими меры". Эта тактика достигла некоторых результатов. Осенью 1684 года Еремяк опять готовился к войне. Но возвращение его посланцев из Москвы и прибытие с ними томского сына боярского Ив. Петрова для переговоров приостановили подготовку к походу. Присылка с ними "государева жалованья"- сукон и освобождение из аманатов содержавшихся в Томске собственного сына Ереняка и сына тубинского князца Шанды - были восприняты киргизами, как полная капитуляция со стороны Москвы и Ереняк послал немедленно на Красный Яр требовать с кайнцев и аринцев албан на Контайшу. 1/ В том же году был заключен новый договор на прежних основаниях. Ереняк с своими братьями и племянниками и со всеми улусными людьми обязывался "великим государям служити и прямети иво всем всякого добра хотети", не ходить войною на русские уезды, платить ясак с порубежных кыштымов в размере традиционных 100 соболей. Как и раньше, принцип равноправия сторон был соблюден. Нарушение границ каралось с обеих сторон: " и русским людям в наши киргизские урочища ясачных людей не ходить и в наших урочищах не промышлять и своим -де людям в русские урочища не ходить. А буде русские люди будут ходить и будут промышлять в наших урочищах, и тех-де людей побивать, а после про тех людей не сыскивать, а буде наши киргизские люди или кыштымы будут ходить в русские урочища

1) Доп. к А.И. т. X №53 и П. Кузнецов (Красноярск) [illegible]
Акты, вып. II №14

и станут промышлять , и тих наших людей такоже побивать и грабить". 1/

Ставший, по смерти Ереняка, во главе Алтысарского улуса сын его Корчун продолжал его политику. В 1690г. он подтвердил договор, заключенный его отцом в 1685 году 2/

С 90-х годов наблюдается резкое изменение в тактике Москвы и переход к более агрессивным действиям. В 1692 году красноярцы производят полный разгром Тубы. Тубинский князец Шандычко в 1690г. "покинул свою Тубинскую землицу", перешел на Канскую землю, шертовал и обязался платить ясак. Однако в Красноярске, повидимому, не без основания не доверяли его шерти и обвиняли его в сношениях с киргизами, совместно с которыми он подготовлял будто бы поход на Красноярск. Красноярская администрация попробовала заманить его в Красноярск, но он "учинился непослушен", в Красноярск не поехал, а в Канской земле держал себя как в завоеванной области, грабил канских туземцев и отгонял их скот. В январе 1692г. канские ясачные люди подали челобитную с жалобой на разорения со стороны Шандыка и с просьбою послать на него служилых людей. В феврале была снаряжена карательная экспедиция под начальством Вас. Многогрешного и Тита Саламатова. Настроение служилых людей было самое разбойническое. При выступлении были перебиты все тубинцы и киргизы, которые кочевали издавна под Красноярском, чтоб в отсутствии служилых людей "какого дурна не учинили" над городом. Вступив в Канскую землю начальные

---

1. Портф. Миллера, 378, Ш, № 14. Договор был заключен с томским сыном боярским Иваном Петровым, который приехал с посланцами Ереняка из Москвы. Повидимому, Ивану Петрову пришлось, чтобы добиться согласия Ереняка, пообещать ему албан с канских и арынских татар.

2. Там же.

люди сделали попытку войти в переговоры с тубинским князцом, но попытка эта не увенчалась успехом, и служилые люди "учинили бой".

Сражение продолжалось в течение дня и отличалось неимоверною жестокостью. Это была настоящая бойня. Перебито было до 600 тубинцев. В бою пали Шандык и два других князца; лишь человек 50 с братом Шандыка Орошпайком,

"зашед в крепкие

места, окопались и лесом осеклись и сели в осаду". Только после двухдневного штурма удалось взять "воровскую осаду", причем защитники были все перебиты, а жены и дети взяты в плен. Орошпайко бежал "сам " третей", но был настигнут и убит. После столь жестокой расправы Многогрешный вернулся в город, оставив Саламатова, который с отрядом качинских татар, обыскал леса и перебил еще 24 человека. Тубы больше не существовало. Результаты карательной экспедиции были высоко оценены в Москве. Красноярским служилым людям было послано государево жалование : мягкой рухляди на 700 рублей.[1] Разгром Тубы ослабил очень сильно Киргизскую землю. С этого момента мы присутствуем при ее постепенной агонии. С конца XVII в. русские возобновляют натиск на степь, на этот раз с большим упорством и настойчивостью.

В 1697 г. состоялся указ о постройке острога на Абакане, о каковой еще в 1690 г. ходатайствовали все жители Красноярского уезда, русские и татары.[2]

Дело было поручено томскому казачьему голове Осипу Качанову, которому предписано было взять из Красноярска 300 служилых людей, вызвав охотников из неверстанной в службу служилой молодежи : " буде ... на тое вел.государь службу иттить или в новопостроенном городке жить, и они -б шли и великому государю служили и в том городке домами селились, и великого государя жалованья им против иных городов будет". Несмотря на угрозу смертной казнью за всякую помеху делу, пред-

---

1 № 1317,л.201, 611 - 616; Пам.Сиб.Ист.ХУШ в. 1 № 1, №27.

2 Ст. № 1052,л.1 - 4.

приятие не состоялось, вследствие отсутствия в Тобольске хлебных запасов для снабжения экспедиции, а главным образом, вероятно из-за Красноярской смуты, которая была в этом году в полном разгаре. 1/

Однако, разгром Тубы в такой мере ослабил силы киргиз, что вопрос был только во времени. Киргизы уже не были в состоянии помешать захвату в 1697г. принадлежавших их сеньеру джунгарскому хун-тайджи серебряных рудников на речке Каштаке, произведенному из Томска в 1697г. и постройке здесь острога. В течении трех дней киргизы "чинили...напуски" на прибывших на Каштак рудознатцев и сопровождавших их служилых людей, но пушки и пищали оккупационного отряда принудили их заключить договор, "что им к тому острогу войною не приходить". Теперь уже не русские добиваются прекращения набегов на занятую ими территорию, а сами киргизские князцы просят о соблюдении старых границ. В 169?г. князцы Улага, Копка и Итпола отправляют посланца в Томск сказать воеводе В.А.Ржевскому про Каштак, что "та-де земля киргизская..." и напомнить ему, что "прежде приходу на Каштак служилых людей киргизские князцы и улусные люди промеж собою в Киргизской земле говаривали, что-де буде против нашей прежней шерти им, киргизам, не переходить на ю сторону Июса к Томскому, а томским служилым людям за Июс не переходить на их сторону". 2/

Под влиянием неудач в среде самих киргизов заметны признаки деморализации. Князцы, - теряя почву под ногами, готовы были итти на любые компромиссы, чтобы сохранить свое господствующее положение в племени и возможность эксплоатировать своих тысяч питалы. В этих целях они стремятся найти путь для соглашения с победителями и отказываются от тактики Еремянка: В декабре

1. Пам. Сиб. Ист. XVII в. I № 63. 2/ Портф. проф. Миллер. 178, П № 49.

1697г. двоюродный брат Ереняка - Итпола Медечии прибыл в Томск, чтоб от имени всей своей братьи киргизских князцов дезавуировать действия сыновей Ереняка Корчука и Чогуна, которым продолжали производить набеги на Томский уезд. В августе 169[illegible]г. они официально даже выразили согласие на Каштацкий острог. Мало этого, большинство князцов готовы были силою заставить Чогуна прекратить войну и вернуть захваченных лошадей.[1]

В январе 1700г. в Сибирском приказе допрашивали приезжих из Сибири служилых людей и собирали сведения о выступлениях киргиз. В марте уже разосланы были грамоты о походе общими силами Томска, Кузнецка и Красноярска. 20 апреля и состоялся поход под начальством томского сына боярского Юрия Роецкого. Поход продолжался шесть недель, пока не "захватила бездорожица". Серьезного сопротивления Роецкий нигде не встретил. В ответ на эти репрессалии имел место большой, последний на этот раз, набег на русские уезды. 18 сентября Корчун и Такчый Таин - нагрянули под Кузнецк, стояли под городом две недели, приступали кругом города ко всем воротам, наконец отступили 25 сентября сжегши монастырь и много деревень, забрав много скота и пленных. 31 сентября киргизы погромили две деревни в Томском уезде. Тогда же, повидимому, киргизы приходили и под Красноярск.

В начале 1701г. поэтому был снаряжен против киргиз поход под начальством сына боярского Сем. Лаврова. Поход этот в общем носил характер скорее набега, чем серьезного предприятия. Высле

---

1. Проф. Миллера, № № 49, 51, 52.

99 57 126

живали киргизские юрты, громили их, захватывали пленников. Киргизы, застигнутые врасплох, не оказывали сильного сопротивления и,"подсмотря войско", убегали на лошадях, покидая жен и детей. Единственными трофеями было 50 человек убитых киргиз и 75 чел. пленных"больших и малых". В том же 1701г. из Красноярска на киргиз был послан Конон Самсонов, "и в том воинском случае были многи бои."[I/]

При всей незначительности достигнутых успехов они имели одно реальное значение. В августе того же года киргизские князцы прислали в Красноярск с предложением заключить мир, каковой и был заключен, в сентябре, при посредничестве представителя Араптан-хун-тайджи -Абы-зайсана. Киргизы обязались платить ясак со своих киштымов.

I. Пам. Сиб. Ист. XVII,в., т.I, №№ 26,29,27,30,33,39,63.

Невозможность для джунгар вести борьбу на два фронта одновременно с Китаем и Россией вызвала в 1703 г. с их стороны неожиданную меру.

Хунтайджи решил принудительно выселить всех киргизов из их земли в Монгольские степи. В Киргизскую землю приехал три зайсана с 3500 джунгар, и "киргиз-де к себе загнали всех" ~~захватив~~ "сильно", однако без бою". "Ныне де в Киргизской земле киргиз никого нет", сообщали киргизские киштымы.[1] Русские поспешили использовать создавшееся положение и ~~добить~~ уничтожить остатки врагов. Известие об уходе киргизов достигло Томска в октябре 1703 г., а 12 декабря уже послан был сын боярский Мих. Лавров в Киргизскую землю с армией в 500 чел. которая ~~имела~~ погромила 50 юрт киргиз и шуйских татар и захватили 150 чел. пленных. А в марте 1704 г. была снаряжена новая экспедиция во главе с Осипом Качановым и Савою Цыцуриным. Дело шло очевидно об истреблении "остяцев", в первую же очередь тех племен, которые в качестве киштымов киргизов участвовали в их походах.[2] Брошенные на произвол судьбы своими сеньорами джунгарами и киргизами киргизские киштымы, находясь между двумя огнями спешили принести свои винья и умоляли русских о постройке на их земле острога, если они хотели брать с них ясак. Но только в 1707г. была снаряжена экспедиция соединенными силами Томска, Красноярска, Енисейска и Кузнецка под начальством томского сына боярского Ильи Цыцурина и красноярца Кон. Самсонова, которым, наконец,

---

1/ Пам. Сиб. истории, т. I, №№ 58, 59, 63. Н.Н. Козьмин полагает, что переселение коснулось главным образом, киргизской аристократии и не обезлюдило совершенно края. Конечно, трудно думать, что увезены были все жители поголовно, но край все таки сильно запустел, и отход киргиз позволил тувинцам Красноярского уезда продвинуться к югу. Об этом определенно говорит указ 10 ноября 1720г. Красноярскому коменданту Зубову /Пам. Сиб. истории XVIIв., т. II, № 68/.

удалось поставить острожек на Абакане и тем осуществить намеченную заранее по мере стратегическую задачу. Гарнизон для вновь поставленного города был составлен из 300 чел. красноярцев и 100 человек, набранных из томских, енисейских и кузнецких служилых людей.[1] Через два года в 1709 г. еще южнее построен был Саянский острог. Абаканская степь была захвачена.

Продолжение.

Из сказки детей боярских Ивана Елобина с товарищ видно, ч на месте частично остались, между прочим, байкотовцы /два улуса/ кайданцы /2 улуса/, т.е. койбалы. остальцы тубинцы /7 человек/ некоторые хамасинские, кашинские и яренские улусы: Бугучиев, Тотар Ургунов и вероятно, конные кашинцы /Кон-улус/, а такие бохтицы кроме тубинцев все переселены в сказке улусы принадлежали к киргизским и тубинским киштымам и вместе с тем платили ясак в Красноярск. Хотя остальные упоминаемые в сказке улусы не могут быть приурочены к известным мне племенам, но даже приведенные данные подтверждают, что большинство оставшихся на месте /и то не целиком, так как 60 чел. из тех, улусов с которых Елобин взял ясак, по его приходе ушли с киргизами/, были действительно киштымы а не киргизы.
2/ Пам.Сиб.ист.П, № 65.

I/ Пам.Сиб. Ист.XVIIв. т.I, № 78.

Дальнейшая судьба кыргызов находится вне плана настоящего исследования. Вовлеченные в борьбу, шедшую между двумя феодальными государствами на верхнем Енисее, в период, когда они еще только начинали складываться в народность, енисейские киргизы они в дальнейшем рассеялись и потонули среди племен, вошедших в состав Джунгарской державы. Часть из них, несомненно, попала в современный Киргизстан, где она слилась с издавна здесь обитавшим народом, тоже носившим имя кыргызов. В 1747 г. на Чулыме были задержаны "два человека, которые назвали себя киргиз-калмыками" /по толкованию Валиханова: "отставшие киргизы"/ ; они показали, что предки их кочевали в Сагайской степи между Кузнецком и Красноярском, где по сих пор кочуют их сородичи, состоящие в русском подданстве, и что они жили в "Зенгорском владении", т.е. в Джунгарском владении на Или.[1] Другие "киргиз-калмыки" показывали, как на свое местожительство после ухода с Белого Июса - на Большую Ургу в Монголии.[2] Выселение в Джунгарию не спасло киргизов от порабощения. На своем новом местожительстве они попали в тяжелую кабалу к джунгарским феодалам - киргизам. Они вынуждены были платить албан джунгарскому хунтайчжи,[3] а некоторые из них оказались "в холопстве" у нойонов и видели себе "многие обиды"[4] Поэтому в середине XVIII в. среди многих из них наблюдается течение в пользу перехода под русскую власть. Так летом 1746 г. целая группа киргизов, в числе 12 человек с женами и детьми явилась в Усть-Каменогорск и заявила о своем желании перейти в русское подданство; это был не единичный случай, некоторые пытались пробраться в свои прежние кочевья даже самовольно, явочным порядком. Одной из причин такого стремления в русские

1/ Потанин, Материалы, стр. 62.
2/ Там же, стр. 80, 128.
3/ Там же,
4/ Там же, стр. 62.

впадения они выставляли "обилы" от джунгарских тайш.

Таким образом захват енисейских кыргызов джунгарскими феодалами привел к их распылению, как народности, и к еще более тяжелой эксплоатации чем та, ради избежания которой они с таким упорством боролись против царских служилых людей.